

ИНСПЕКТОР ОТДЕЛА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Джек Клинч прибыл в Космополис инкогнито. Поэтому его раздражало, что все, начиная со стюардесс и кончая дежурной в отеле, глядели на него с нескрываемым любопытством. Впрочем, это было в порядке вещей. Его двухметровый рост, рыжая шевелюра и пушистые усы всегда вызывали повышенный интерес, особенно у женщин. Нельзя сказать, чтобы сам Клинч был равнодушен к прекрасному полу, однако сейчас он предпочитал бы на время быть обладателем менее броской внешности. Но не сбривать же из-за этого усы, взращенные с такой заботливостью!

Номер в отеле был заказан на имя Юджина Коннели, инженера из Лондона, поэтому Клинч, кроме маленького чемодана, захватил еще и объемистый портфель из буйволового кожи, снабженный множеством застёжек.

Портфель был пуст, так же как и сафьяновый бумажник, хранящийся во внутреннем кармане темно-серого пиджака, сшитого одним из лучших портных Англии. На оплату костюма ушла большая часть полученного аванса. Не то чтобы Клинч был так уж беден, но последний год в делах ощущался застой, а жить он привык широко, ни в чем себе не отказывая.

— Пожалуйста, мистер Коннели! — Дежурная протянула ему ключ от номера. — Куда послать за вашим багажом?

— Не беспокойтесь. Я всего на несколько дней.

Клинч проследовал за боем, подхватившим чемодан и портфель.

Он придирчиво осмотрел апартаменты люкс, состоящие из спальни, кабинета и гостиной. Профессия частного детектива сводила Клинча с самыми различными людьми, но он терпеть не мог скаредных клиентов. Что ж, на этот раз, кажется, все в порядке.

— Вам ничего не нужно, сэр?

— Нет, можете идти.

Клинч вынул из кармана брюк несколько монет.

— Благодарю вас, сэр! Бар на втором этаже, ресторан — на первом. Если захотите обед в номер, позвоните в этот звонок.

— Хорошо.

— Помочь вам разложить вещи?

— Не нужно, я сам.

Клинч подождал, пока за боем закрылась дверь, достал из чемодана белье и начал наполнять ванну.

Через час, отдохнувший и свежесбрившийся, он спустился в бар.

Там еще было мало народа. В углу за столиком трое парней со значками пилотов КОСМОЮНЕСКО пили виски в компании трех юных дев, да у стойки дремал какой-то тип в поношенном твидовом пиджаке и мятых брюках. На носу у него красовались огромные круглые очки.

Одна из девиц изумленно уставилась на Клинча.

— Милый, — обратилась она к своему кавалеру, — в следующий раз привези мне откуда-нибудь такое диво, ладно?

— Привезу, — кивнул тот. — Обязательно привезу, еще почище, с усами до самого пола.

Клинч вспыхнул. Больше всего он не терпел насмешек над своею внешностью. Однако ввязываться в скандал сейчас ему не было никакого резона. Одарив подвыпившую компанию презрительным взглядом, он подошел к стойке.

— Двойное мартини! Только вместо маслины положите туда кусочек лакричного корня.

Бармен озадаченно взглянул на него.

— Вы совершенно правы, сэр... но...

— Ладно! Нет лакрицы — положите гвоздику.

— Сию минуту, сэр!

Дремавший у стойки очкарик приоткрыл один глаз.

— А я тебя где-то видел, парены! Не могу вспомнить где. А ну-ка повернись!

Он положил руку на плечо Клинча. Тот, не поворачиваясь, сжал двумя пальцами его локоть, и очкарик взвыл от боли.

— Ах ты так?! погоди, все равно дознаюсь, кто ты такой! Ведь у меня репортерская память.

Клинч залпом осушил свой стакан и встал.

— Советую тебе, дружок, не попадаться мне на глаза, а то всякое может случиться. Я ведь не всегда такой добрый, понял?

Он бросил на прилавок монету и гордо прошествовал к двери.

Встреча с клиентом была назначена на завтра, и Клинч решил пройтись, а заодно посмотреть здание, в котором эта встреча должна состояться. Одним из основных его правил была предварительная разведка местности.

Сорокаэтажное здание КОСМОЮНЕСКО, все из бетона и матового стекла, произвело на Клинча благоприятное впечатление. Такое учреждение не могло вызывать его по пустякам. Видимо, дело пахло солидным гонораром.

Поел он в маленьком кафе. Денег было в обрез, и приходилось экономить.

— Пожалуйста, мистер Клинч, доктор Роу вас ждет. — Секретарша улыбнулась и предупредительно открыла дверь, обитую коричневой кожей.

Доктор С. Роу, директор отдела полезных ископаемых КОСМОЮНЕСКО, восседал за большим письменным столом, на котором, кроме нескольких разноцветных телефонов, ничего не было. Именно таким, чопорным, сухопарым, лет пятидесяти, с холодным взглядом выцветших голубых глаз, и представлял себе Клинч этого человека. Блистательная научная карьера и привычка повелевать всегда откладывают свой отпечаток.

В глубоком кожаном кресле, удаленном от стола на такую дистанцию, чтобы чувствовалась разница в общественном положении посетителя и хозяина кабинета, сидел старший инспектор Интерпола Вилли Шнайдер. Клинчу уже приходилось с ним встречаться.

Видимо, дело было нешуточное, если приглашен Интерпол. Клинч знал, что Шнайдер пустяковыми преступлениями не занимается.

Третьей в кабинете была девушка лет двадцати пяти, хорошенькая как куколка. Она сидела на диване, поджав под себя очаровательную ножку в ажурном чулке. Ее черные кудри падали на плечи, а в синих глазах, когда она взглянула на Клинча, было нечто такое, отчего у него сладко заныло в груди.

Клинч поклонился.

— Очень рад, мистер Клинч, что вы любезно приняли наше приглашение, — произнес Роу. — Разрешите вам представить мадемуазель Лоран. Она у нас возглавляет управление личного состава. А это герр Шнайдер из Интерпола.

— Мы уже знакомы.

— Совершенно верно! — подтвердил Шнайдер. — Мистер Клинч оказал нам однажды большую услугу в деле о гонконгской шайке торговцев наркотиками.

— Что ж, отлично! — Роу кашлянул и задумался, видимо не зная, с чего лучше начать. — Должен вас предупредить, мистер Клинч, — продолжал он после небольшой паузы, — что дело, по которому мы к вам обращаемся, носит... э... строго доверительный характер.

Клинч не любил такие выступления.

— О деле я пока ничего не знаю, — сухо ответил он, — но гарантия тайны — одно из неизменных условий работы частного детектива.

— Превосходно! — Роу поглядел на свои руки, словно отыскивая пятнышко грязи. — Тогда прямо приступим к делу. Думаю, вы знаете, что мы, я имею в виду КОСМОЮНЕСКО, занимаемся разведкой и добычей полезных ископаемых в космосе.

— Знаю.

— В числе планет, на которых мы ведем работу, есть одна под названием Мези.

— Странное название! — усмехнулся Клинч. — Больше подходит для скаковой лошади. Кто же ее так окрестил?

Роу поморщился.

Рисунки Н. ГРИШИНА

— Ничего странного нет. Мези означает металлические залежи иридия. Надеюсь, вам известно, что это такое?

— Примерно.

— Мистер Клинч по образованию геолог, — вмешалась девушка. — Кстати, это было одной из причин, по которой...

— Не совсем так, мадемуазель, — прервал ее Клинч. — Когда-то я действительно окончил три курса геофизического факультета. Диплома не имею, но иридий со свинцом не спутаю.

— Тем лучше, — Роу изучающе поглядел на Клинча. — Тогда вы должны знать, что мощные залежи металлического иридия — явление совершенно уникальное. В данном же случае оно является результатом жизнедеятельности бактерий, разлагающих осмистый иридий и на Земле не встречающихся.

— Понятно.

— Мези — планета во многих отношениях своеобразная, — продолжал Роу. — Девяносто восемь процентов ее поверхности занимает океан, глубина которого, даже у берегов, доходит до шести километров. Поэтому всякое подводное бурение исключается. Небольшой клочок суши — базальтовые скалы со следами тектонического разлома. Единственное место, пригодное для проходки ствола, — крошечный «пятачок» в глубине ущелья.

— Вы там были, сэр? — спросил Клинч.

— Я там не был, но обстановку хорошо знаю по отчетам экспедиций.

Клинч вздохнул. Ему хотелось поскорее добраться до сути. Ведь зачем-то они его пригласили, да и Интерпол...

— Так чем я могу быть вам полезен? — напрямик спросил он.

— Подождите. Сейчас вам все станет ясным.

— Если только что-нибудь вообще может стать ясным, — иронически добавила мадемуазель Лоран.

Роу игнорировал ее замечание и продолжал тем же менторским тоном:

— В составе атмосферы планеты восемьдесят целых и три десятых процента кислорода. Он выделяется планктоном в океане. Животной жизни нет. Сила тяжести на экваторе составляет примерно три четверти земной. Словом, условия обитания и работы подходящие. Мы туда отправили рабочую группу и завезли оборудование стоимостью в сто миллионов.

— Сто миллионов фунтов?

— Нет, долларов. Вообще же вся эта затея обошлась уже около миллиарда.

— И что же?

— А то, что с момента начала работ там творятся странные вещи. При проходке главного ствола — взрыв, в результате которого ствол затоплен грунтовыми водами. Затем инженер экспедиции кончает самоубийством.

— Каким способом он это проделал?

— Застрелился.

— Оставил какую-нибудь записку?

— В том-то и дело, что нет.

— И вы предполагаете, что это было не самоубийство?

— Предполагаю! Да я почти уверен!

— Что ж, можно произвести эксгумацию трупа и судебно-медицинские эксперты всегда определяют...

— Трупа нет. Он кремирован на месте. Прах доставлен на Землю.

Клинч произвольно свистнул.

— Да... из пепла много сведений не выудишь..

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, Джек, — вмешался Шнайдер. — Как раз из пепла мы и выудили главную улику. — Он достал из кармана обгоревший кусочек металла. — Поглядите внимательно. Вам это что-нибудь напоминает?

Клинч протянул руку, и Шнайдер осторожно положил ему на ладонь свой трофей.

— Похоже на деформированную оболочку пули тридцать пятого калибра.

— Верно! — кивнул Шнайдер. — И какие же выводы вы из этого можете сделать?

— Ну о выводах, мне кажется, говорить рано, хотя я понимаю, что вы имеете в виду. Если человек стреляет в себя из пистолета такого калибра, то пуля проходит навывлет, не правда ли?

— Конечно! И следовательно?..

— Выстрел был сделан с какого-то расстояния.

— Что и требовалось доказать! — Шнайдер удовлетворенно ухмыльнулся.

Клинч задумался. У него было такое чувство, что он зря сюда приехал. Если Интерпол уже ввязался в это дело, пусть продолжает. Роль советника при Шнайдере его совершенно не устраивала. Пожалуй, нужно сегодня же вернуться в Лондон, благо клиент оплачивает самолет в оба конца. Осень — благодатное время для частного детектива. Какое-нибудь дело да подвернется.

— Крайне сожалею, мистер Роу, — сказал он, поднимаясь со стула, — но я вряд ли смогу быть вам чем-нибудь полезен. Мне кажется, Интерпол нашел достаточный повод, чтобы начать расследование. Думаю, что герр Шнайдер прекрасно со всем справится.

— Интерпол не будет заниматься этим делом, — сказал Шнайдер.

— Почему?

— Сядьте, Джек, и я вам все объясню. По уставу нашей организации мы не можем действовать вне пределов Земли. Межпланетная полиция еще не создана. Так что лететь на эту планету придется вам.

Клинч изумленно взглянул на него.

— Что?! Вы хотите, чтобы я отправился на эту... как ее... Сузи?

— Мези, — поправил Роу.

— Но это же займет уйму времени!

— Около года. — Роу вынул из ящика стола блокнот и начал его листать. — Ага, вот! Двадцатого октября — старт «Гермеса». Значит, до отлета у вас есть десять дней. Затем пять месяцев пути. «Гермес» совершает облет группы планет. На Мези посадка не производится. Вас высадят на почтовой ракете. Через месяц вы на той же ракете выйдете на постоянную орбиту, где вас подберет «Гермес» и доставит на Землю.

— И все ради того, чтобы выяснить, кто всадил пулю в инженера?

— Не только ради этого, мистер Клинч. Мы не имеем радиосвязи с экспедицией. Слишком много помех на пути. Почта, как вы сами видите, в один конец идет несколько месяцев. Мне нужно знать, что там делается. Можно ли откачать воду из шахты, и вообще, говоря между нами, стоит ли продолжать всю эту затею. Там сейчас всего три человека, один из них химик, другой врач, а третий биолог. В этих делах они не компетентны.

— А кто же работает в шахте?

— Автоматы.

— Роботы?

— Если хотите, можете называть их так, только не думайте, что они взбунтовались и прикончили своего повелителя. Это просто механизмы с высокой степенью автоматизации.

— Значит, предполагаемый убийца — один из трех членов экспедиции?

— Очевидно.

— Так... — Клинч вынул из кармана золотой портсигар. — Вы разрешите, мадемуазель?

Лоран вопросительно взглянула на Роу.

— Курите! — ответил тот и небрежно пододвинул пепельницу.

Клинч глубоко затянулся и выдохнул большой клуб дыма. Какое-то время он с интересом наблюдал за облаком, расплывавшимся в воздухе. Крохотное подобие вселенной со своими галактиками. Может быть, в одной из этих спиралей есть тоже своя планета с дурацким названием, подобная той, куда надо лететь пять месяцев, чтобы расследовать самоубийство, похожее на преступление. Подсознательно Клинч чувствовал, что Роу чего-то недоговаривает. Вряд ли нужно нанимать одного из лучших частных детективов для такого дела. Интересно, насколько они действительно заинтересованы во всей этой истории?

Клинч погасил окурок и обратился к Роу:

— Кстати, вы прикидывали, во что это вам все обойдется? Я имею в виду мой гонорар.

— Полагаю, что сорока пяти тысяч долларов, которые ассигнованы дирекцией, хватит.

Действительно, это была большая сумма, чем собирался запросить Клинч.

— Кроме того, — продолжал Роу, — мы учитываем, что вы не можете явиться туда в качестве... э... сыщика. Поэтому по рекомендации мадемуазель Лоран мы вас зачислим на должность инспектора отдела полезных ископаемых с окладом две тысячи долларов в месяц, со всеми надбавками, которые получает наш персонал в космосе.

Клинч поглядел на мадемуазель Лоран. Она сидела все в той же позе. Очаровательный бесенок, который того и гляди высунет язычок за чьей-нибудь спиной. Начальница управления личного состава. Видимо, с ее мнением тут считаются. Интересно, кто ей покровительствует? Не сам ли Роу? Тогда, прямо сказать, вкус у него неплохой.

Клинч встал.

— Я подумаю, мистер Роу. Однако сначала мне нужно более подробно ознакомиться с обстоятельствами дела.

— Конечно! Мадемуазель Лоран и герр Шнайдер сообщат вам все необходимые данные. Через два дня я жду окончательного ответа.

3

— Ну-с, Джек, я вижу, что у вас столько вопросов, что вы не знаете, какой задать первым, — Шнайдер усмехнулся и отпил большой глоток пива из литровой глиняной кружки.

Клинч задумчиво вертел в пальцах свой стакан. Они сидели

в маленьком погребке. Других посетителей не было. Видимо, Шнайдер знал, где можно потолковать по душам. Возможно, что и бармен у него свой человек. Что ж, тогда можно говорить вполне откровенно.

— Прежде всего, мне непонятно, какого черта вы ввязались в это дело, Вилли. Насколько я знаю, Интерпол не такая организация, чтобы бросаться на первое попавшееся убийство.

— И это единственное, что вас смущает?

— Нет. Мне еще непонятно, зачем КОСМОЮНЕСКО выбрасывать на ветер такую кучу денег. В конце концов так ли уж важно, какой смертью помер этот самый инженер. Бойтесь, что родственники что-нибудь пронюхают и устроят скандал?

— У него нет родственников.

— Тогда что же?

Шнайдер вздохнул.

— Все очень сложно, Джек. Вы что-нибудь слышали о концерне «Горгона»?

— Что-то припоминаю. Добыча полезных ископаемых в странах Латинской Америки, не так ли?

— Совершенно верно! Теперь учтите, что львиная доля добычи иридия на Земле находится в их руках. В последние годы цены на иридий невероятно подскочили, и концерн извлекает огромные прибыли. Если шахта на Мези начнет работать, то, даже несмотря на большие транспортные расходы, цены упадут и концерн окажется на грани банкротства. Ну а выводы делайте сами.

Клинч нахмурился. Ему никогда еще не приходилось иметь дело с промышленным саботажем. Да, дело, кажется, значительно серьезнее, чем он предполагал. И все же как-то странно получается. Ну, взрыв шахты — это еще понятно, но что может дать убийство?

Казалось, Шнайдер прочитал его мысли.

— Не думайте, Джек, что это простое убийство. «Горгона» — частный капитал, КОСМОЮНЕСКО — межгосударственный. Все работы оно ведет по особым ассигнованиям ООН. Там есть свои противники космических разработок ископаемых. Если то, что творится на Мези, попадет в печать, они постараются использовать это при очередном обсуждении бюджета. Поэтому Роу так нервничает и готов на любые расходы.

— Значит, вы думаете, что на Мези работает агентура «Горгоны»?

— Почти уверен.

— И все это на основании кусочка металла, извлеченного из пепла?

— Вы забываете про взрыв и затопление шахты.

— Нет, не забываю. Но это может быть и простым совпадением. Кстати, кто констатировал смерть?

— Врач экспедиции Долорес Сальенте.

— Испанка?

— Мексиканка. Она же и производила кремацию.

— А кто обнаружил оболочку пули?

— Похоронная служба КОСМОЮНЕСКО.

— Ах есть и такая?

— Есть. К сожалению, она загружена больше, чем хотелось

бы. Сами понимаете, работа в космосе — это не прогулка за город. Бедняжке Лоран приходится не только подбирать персонал, но и заботиться о достойных похоронах.

Клинч снова задумался. Нужно поговорить с Лоран. Необходимо иметь подробные досье всех членов экспедиции. Видимо, там у них в управлении личного состава достаточно сведений.

В этот момент распахнулась дверь на улицу, и размышления Клинча были прерваны удивленным возгласом:

— А, вот неожиданная встреча!

Клинч поднял глаза. Перед ним, покачиваясь, стоял очкарик в твидовом пиджаке.

Очкарик попытался удержаться за столик и смахнул на пол кружку с пивом.

— Удивительно! Гроза бандитов Вильгельм Шнайдер и король сыщиков Джек Клинч! Будь я проклят, если в космосе не случилось что-то сенсационное!

Клинч встал.

— У вас есть телефон? — обратился он к бармену.

— Да, сэр. Пожалуйста!

— Вызовите врача. Сейчас придется вправлять челюсть этому типу.

— Перестаньте, Джек! — Шнайдер взял Клинча за локоть и силой вывел на улицу. — Вы не знаете, с кем связываетесь! Ведь это Макс Дрейк, корреспондент «Космических новостей». Не дай бог, он что-нибудь узнает. Тогда Роу может распрощаться со всякой надеждой на увеличение кредитов.

— Ладно! — Клинч спрятал кулак в карман. — Придет время, я все-таки набью ему морду!

— Когда придет время, набейте и за меня, а сейчас держитесь от него подальше. У вас еще есть ко мне вопросы?

— Пока нет. Завтра поговорю с мадемуазель Лоран и сообщу Роу свое решение.

— Он его уже знает.

— Вот как? Он что, телепат?

— Нет. Просто я ему сказал, что вы согласны.

— Интересно, откуда вы это взяли?

— Мне известно, что Джек Клинч никогда не отказывается от крупного гонорара. А вот и аванс, который вам сейчас так необходим. — Шнайдер вынул из кармана пачку банкнотов. — Ведь у вас в общей сложности не больше пяти долларов. Верно?

Клинч рассмеялся.

— Вы всегда знаете больше, чем вам полагается.

— Ничего не поделаешь! — вздохнул Шнайдер. — Каждый детектив должен знать больше, чем полагается.

4

— Так с чего мы начнем, мистер Клинч? — спросила мадемуазель Лоран.

«С поцелуя, детка, — подумал Клинч. — Тогда нам будет легче определить, чем мы кончим».

Он огляделся по сторонам. Обстановка явно не располагала к поцелуям. Белый пульт со множеством кнопок, стереоэкран,

шкафы с какими-то хитроумными приспособлениями. В таком окружении мадемуазель Лоран хотя и не потеряла своей привлекательности, но казалась более недоступной, чем тогда, когда сидела, поджав ножку, на диване.

— Ну хотя бы с личности убитого, — ответил он.

— Хорошо! — Она нажала кнопку на пульте, взяла выскочившую на лоток кассету и вставила ее в зев аппарата. — Вот он, полюбуйте!

Клинч взглянул на стереоэкран. Там красовалась типичная физиономия неврастеника. Худое, изможденное лицо, длинный, слегка свернутый на сторону нос, оттопыренные уши, левая бровь заметно выше правой, редкие волосы, зачесанные так, чтобы по возможности скрыть их недостаток на темени. Пожалуй, такой и мог пустить себе пулю в лоб.

Лоран нажала новую кнопку, и динамик заговорил бесстрастным голосом:

«Эдуард Майзель, швейцарец, сорок два года. Холост. Окончил механический факультет Цюрихского политехнического института. Специальная подготовка на Высших курсах КОСМО-ЮНЕСКО. Эксплуатация горнодобывающих механизмов. Двухгодичная стажировка на Урании. Направлен инженером в составе экспедиционной группы на Мези. Родственников не имеет. От страхования жизни отказался».

Голос умолк.

— Это все? — спросил Клинч.

— А что бы вам хотелось еще?

Тут снова бес шепнул на ухо Клинчу нечто совсем фривольное, но он усилием воли отогнал искусителя прочь.

— Какие-нибудь сведения, так сказать, более... — Клинч замялся под изучающим взглядом ее глаз.

— Интимные? — пришла она ему на помощь.

— Вот именно.

— Есть данные психоневрологического исследования. Хотите послушать?

— Пожалуй.

— Обычно мы их не оглашаем, но, думаю, здесь можно сделать исключение, не так ли?

— Конечно! — подтвердил Клинч.

Лоран нажала красную кнопку.

«Эмоционально возбудим, — забубнил голос. — Сексуальный индекс — сорок три по шкале Кранца, коэффициент общительности — ноль тридцать шесть, показатель вхождения в норму после шокового возбуждения — два пятнадцать, критерий дружбы по Шмальцу и Рождественскому...»

— Постойте! — взмолился Клинч. — У меня и так уже мозги вверх тормашками. Что такое сексуальный индекс?

— Есть специальная формула. Если хотите...

— Не хочу. Скажите только, сорок три по шкале Кранца — это много или мало?

— Смотря по тому, с какими требованиями подходить, — улыбнулась Лоран.

— С самыми жесткими.

— Тогда мало.

Не успел Клинч подумать, как бес сам задал за него вопрос:

— А какой, по-вашему, может быть индекс у меня?

— О, у вас! Судя по тому, как вы на меня все время смотрите, не меньше ста.

Клинч проглотил слюну. Если бы не полученный аванс... Впрочем, что сейчас об этом думать. Все же он не удержался и самодовольно произнес:

— Ирландская кровь!

— Представляю себе, — сказала Лоран, — Однако вам не кажется, что мы несколько отвлеклись от темы?

— Гм... Простите, мадемуазель! Итак, с Эдуардом Майзелем мы покончили. Кстати, почему его кремировали там, на Мези?

— Так предписывает устав. Во избежание переноса инфекции. Мы снабжаем экспедиции специальными портативными печами, и врач обязан производить эту операцию лично.

— Понятно. А дальше?

— Дальше контейнер с прахом отправляют на Землю.

— И куда он попадает?

— В похоронную службу. Там они переносят прах в новую урну. Приходится иметь дело с родственниками. Обязанность не из приятных.

— Я думаю. Но ведь в этом случае никаких родственников не было?

— Да, он одинокий. Его похоронили тут, в Космополисе.

— Кто-нибудь присутствовал на похоронах?

— Мистер Роу, Шнайдер и я.

— Не густо.

Мадемуазель Лоран нахмурилась.

— Вы понимаете, что после находки оболочки пули мы не могли... Словом, покойнику все равно, а интересы дела...

— Короче, в газеты ничего не сообщили и надеялись все скрыть?

— Да. Пока все не выяснится.

— Кто же должен это выяснить?

— Вы, мистер Клинч. Я настояла, чтобы пригласили именно вас, потому что мне казалось, что лучше вас никто не сможет во всем разобраться. Я так и сказала мистеру Роу.

Клинч привычным жестом расправил усы. Не каждый день приходится выслушивать комплименты из таких очаровательных уст. И все же в бальзаме, изливавшемся в его душу, была какая-то горчинка. Девочка, видно, здорово предана этому сухарю Роу.

— Что ж, попробуем во всем разобраться, — сказал он. — Итак, Майзеля собственноручно сожгла Долорес?..

— Сальенте.

— Долорес Сальенте. Давайте посмотрим, что за Долорес.

Мадемуазель Лоран соткала из света объемный портрет.

— Н-да... — задумчиво произнес Клинч.

— Хороша?

— Хороша — не то слово! Да будь я самим сатаной, я бы не мечтал ни о чем лучшем!

— Вы думаете, у сатаны тоже ирландская кровь? — насмешливо спросила Лоран.

— Несомненно! Все ирландцы — потомки сатаны. По его со-

вету Адам в первом варианте был рыжим. Бог испугался и сразу выгнал его из рая.

— Сатану или Адама?

— Обоих.

— Без Евы?

— Конечно. Поэтому мы всегда ищем женщину.

Лоран улыбнулась и включила динамик.

«Долорес Сальенте, мексиканка, двадцать семь лет. Разведена. Девичья фамилия — Гарсиа. Бывший муж — Хозе Сальенте — фабрикант. Родители: мать Анна-Мария Гарсиа, отец — Христофор Гарсиа, местожительство — Мехико. Долорес Сальенте окончила медицинский факультет Мадридского университета. Специальность — космическая медицина. Стажировка — в санитарном отделе КОСМОЮНЕСКО. Направлена врачом в составе экспедиционной группы на Мези. Страхование жизни — двести тысяч долларов».

— Я полагаю, что индекс по шкале Кранца не нужен? — спросила Лоран.

— Нет. И вам было не жалко загнать такую красотку к черту на рога?

Лоран подавила зевок.

— О таких вещах нужно думать, когда выбираешь профессию, — равнодушно сказала она. — Мы не только не делаем скидку на красоту, а скорее наоборот.

— Не понял.

— Тут нечего понимать. Всегда стараемся включить в группу красивую женщину. Мужчины очень быстро опускаются в космосе, а присутствие женщины их подтягивает. Невольное соревнование, свойственное сильному полу.

«Которое иногда приводит к самоубийствам, смахивающим на уголовное преступление», — мысленно добавил Клинч.

— Так с кем же приходилось соревноваться покойнику? — спросил он.

Мадемуазель очень выразительно пожала плечами.

— Там один другого лучше. Посмотрите хотя бы на Милна.

Томас Милн, обладатель университетского диплома химика и розовой поросычьей рожицы (не то Наф-Наф, не то Нуф-Нуф), не производил впечатления заядлого сердцеда. Восемьдесят килограммов нежнейшего бекона. По виду, такого за уши не оторвешь от вкусной еды и мягкой постели, однако на счету три космические экспедиции. Премия имени Роулинса. Жена и трое детей. Либо фанатик науки, решил Клинч, либо копит денежки на старость. Трудно было представить себе Милна стоящим в засаде с пистолетом. Впрочем, кто его знает. Бывает всякое.

Зато Энрико Лоретти, биолог, был идеальным любовником, воплощенной мечтой семнадцатилетних девиц. Возраст Иисуса Христа, черные глаза и профиль гондольера. Так и просится гитара в руки: «Санта Лючия, санта Лючия!» К тому же незаурядная биография. Два развода по-итальянски. Первая жена утонула во время купания, вторая отравилась жареной камбалой. Скандальная история с несовершеннолетней дочерью миллионера. Причин вполне достаточно, чтобы плюнуть на университетскую карьеру и отсидеться несколько лет в космосе. За-

нятный тип. «Стоп! — прервал себя Клинч. — Слишком очевидная версия. Противоречит классическим традициям детективного романа. Так все-таки кто же из трех? Ладно, не будем торопиться».

— Всё? — спросила мадемуазель Лоран.

Клинч взглянул на часы. Половина десятого. Свинья, задержал девочку до позднего вечера!

— Еще один вопрос.

— Какой? — Лоран скорчила гримаску.

— Не согласится ли мадемуазель поужинать со мной?

— Слава богу! Наконец-то догадались! И бросьте, пожалуйста, это дурацкое «мадемуазель», меня зовут Жюли.

5

Джек Клинч не зря прожил несколько лет во Франции. Сейчас он был при деньгах, и заказанный им ужин не вызвал бы замечаний самого изысканного гурмана. Устрицы по-марсельски, лангуст а-ля кокот, петух в вине и седло дикой козы с трюфелями. На десерт салат из фруктов с березовым соком и бланманже. Что же касается вин, то даже выдавший виды метрдотель дышал как загнанная лошадь, когда наконец Клинч выбрал подходящий ассортимент.

Жюли, видно, проголодалась и с нескрываемым удовольствием уписывала все, что подкладывал ей на тарелку Клинч. От нескольких бокалов вина она стала очень оживленной и еще более соблазнительной.

Когда подали кофе, Клинч как бы невзначай положил свою ладонь на ее руку и сказал:

— А теперь, Жюли, расскажите, что же вас привело на работу в КОСМОЮНЕСКО?

Жюли сразу как-то сникла. От ее бывшего оживления не осталось и следа.

— Это очень грустная история, Джек.

— Простите, — смутился Клинч. — Право же, я не хотел... Если вам неприятно...

— Нет, отчего же. Иногда даже становится легче, если кому-нибудь расскажешь. Итак, слушайте сентиментальную повесть о несчастной девушке. Мой отец был коммерсантом, сколотившим состояние на поставках бразильского кофе. Он женился на моей матери, когда ему было сорок лет, а ей двадцать. Я была единственным ребенком. У нас был очаровательный домик в пригороде Парижа, три автомобиля и все такое. Меня они очень баловали. Я окончила одну из лучших частных школ и поступила в Сорбонну. Отец всегда устраивал свои дела так, чтобы мы могли проводить каникулы всей семьей где-нибудь на море.

Я была на втором курсе, когда случилось несчастье. Отец с матерью вылетели на Гавайи, а я должна была присоединиться к ним через несколько дней, когда сдам последний экзамен. И вот нелепая катастрофа при посадке самолета. Отец и мать погибли. После смерти отца выяснилось, что дела его совсем запутаны. Он последнее время крупно играл на бирже,

и неудачно. Я продала все наше имущество, но его еле хватило на покрытие долгов. С университетом пришлось расстаться и подыскивать какую-нибудь работу. Друзья отца устроили меня в управление личного состава секретарем. Однако доктор Роу очень хорошо ко мне отнесся и, как видите...

— Да... История не из веселых. Роу знал вашего отца?

— Нет, они были незнакомы.

«Так, так, — подумал Клинч. — Старая история о мягкосердечном старикане и девочке, оказавшейся в затруднительном положении. Лакомый кусочек никому не хочется упустить».

В это время в ресторане появился вездесущий Макс Дрейк. Он насмешливо поклонился Клинчу, а Жюли помахал рукой.

— Вы уже успели познакомиться с Дрейком? — спросила она.

— Да, этот тип меня везде преследует.

— Представьте себе, меня тоже.

— В таком случае я вас на минутку оставлю одну, — Клинч поднялся и направился к Дрейку...

— Вы мне нужны для небольшого разговора.

Дрейк усмехнулся и пошел за Клинчем в уборную.

Апперкот — страшный удар, особенно если противник едва достаёт вам до плеча. Клинч поднял бесчувственное тело и сунул его головой под кран.

— Сплюнь хорошенько кровь, сынок, — сказал он, когда Дрейк наконец открыл глаза. — Не забывай впредь, что ни мадемуазель Лоран, ни я не желаем видеть твою рожу. Понятно?

В ответ Дрейк пробормотал что-то совсем маловразумительное.

Клинч вернулся к своему столику.

— Простите, Жюли! Мне нужно было уладить с Дрейком одно дельце. Думаю, он вам надоедать больше не будет.

— Вы истинный рыцарь, Джек. В награду вам разрешается проводить меня домой.

Они шли по ночному, бурлящему Космополису. Гостеприимно распахнутые двери ресторанов, кафе и просто забегаловок, спотыкающиеся синкопы джаза, огни световых реклам, все это напомнило Клинчу родное Сохо. Ему стало грустно при мысли, что через несколько дней придется расстаться со всеми радостями жизни на щедрой Земле и отправиться в совершенно чуждый мир, где кто-то подло, из засады, всадил пулю в ничего не подозревающего человека.

Ослепительный фиолетовый свет затопил город. На мгновение поблекли огни реклам. Исполинская стартовая ракета прочертила огненный след в небе. Клинч взглянул на Жюли. Ее лицо показалось ему скорбным и озабоченным. Он крепко сжал ее руку и почувствовал слабое ответное пожатие.

На перекрестке черный «олдсмобиль» вынырнул из-за угла и стал у них на пути. От резкой вспышки Клинч непроизвольно закрыл глаза. «Олдсмобиль» рванул с места. Клинчу показалось, что за рулем сидел Дрейк. В руке у него был фотоаппарат.

Клинч тихонько выругался.

— Вы видели? — спросила Жюли.

Он кивнул.

— Дрейк что-то пронюхал, — задумчиво сказала она. — Это такой тип, который может здорово напакостить.

— В следующий раз я сверну ему шею!

— Будьте осторожны! — сказала Жюли, и Клинч снова почувствовал нежное пожатие ее руки.

Все же настроение было испорчено. Они шли молча, думая каждый о чем-то своем.

— Вот здесь, на двадцатом этаже, я коротаю в одиночестве свой век, — неожиданно сказала Жюли. — Может быть, вы зайдете выпить чашку чая?

Сердце у Клинча провалилось куда-то вниз, а затем заработало с перебоями, как мотор, у которого засорился карбюратор.

— Почту за честь! — Его хриплый голос был вполне под стать этой напыщенной фразе.

Оставшиеся до отлета дни были предельно насыщены делами. Клинч изучал все донесения экспедиции, рылся в накладных управления снабжения, звонил по телефону в Мехико-Сити и в Рим. По его заданию Шнайдер куда-то летал с каким-то таинственным поручением. Привезенные им сведения привели Клинча в отличное настроение. Он принадлежал к тому типу людей, которые чувствуют себя счастливыми, только когда перед ними стоят головоломные задачи.

Все вечера он проводил с Жюли. Она оказалась очаровательной подружкой, веселой и нежной. Они бродили по улицам, заходили поужинать в маленькие кабачки, ездили на машине Жюли в окрестности Космополиса.

Наконец настал день, когда Клинч, снабженный удостоверением инспектора КОСМОЮНЕСКО, выписанным на имя того же мифического Юджина Коннели, должен был взойти на борт «Гермеса».

До космопорта его проводили Жюли и Шнайдер. Вилли молча пожал ему руку, а Жюли шепнула нечто такое, что явно не предназначалось для посторонних ушей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Джек Клинч с трудом отвернул стопоры почтовой капсулы. У него было такое чувство, будто он подвергся четвертованию. Капсула явно не была рассчитана на пассажиров его роста. Ломило шею, онемели руки, а ноги, казалось, навсегда останутся в согнутом положении. Он сначала выбросил в люк мешок с почтой, а затем, преодолевая боль в коленях, сам вылез из капсулы и огляделся. Пейзажик не радовал. Голые скалы бурого цвета, ни деревца, ни травинки. На горизонте темно-красный диск какого-то светила. Порывистый холодный ветер доносил глухой рев. Клинч вспомнил, что почти вся поверхность планеты покрыта океаном, и это никак не улучшило его настроения. Мысленно (уже в который раз!) он обругал Роу.

Тому, конечно, хорошо, сидя в кабинете, рассуждать о вполне подходящих условиях работы.

Клинч еще раз ругнулся, на этот раз вслух, достал из капсулы свой рюкзак и начал спускаться в ущелье, ориентируясь по световому маяку. Скалолаз он был никудышный, к тому же мешал рюкзак за спиной и мешок с почтой в руке. Судя по описанию, где-то рядом проходила тропа, но в сумерках Клинчу так и не удалось ее разыскать. Он несколько раз оступался, больно ударился коленом и чуть не сломал шею, сорвавшись вниз с одного из уступов. В результате он окончательно сбился с маршрута и вышел в ущелье в районе шахты, примерно в полутора километрах от базы.

Небольшое пространство между скалами было сплошь уставлено зачехленными механизмами. В центре располагалась бурильная установка. Атомная электростанция находилась в искусственной пещере, металлические ворота оказались запертыми. Клинч решил отложить более детальное знакомство с местом работы. Он изнемогал от усталости.

Здесь, в ущелье, ветер дул, как в аэродинамической трубе. Хотя он и подгонял Клинча в спину, легче от этого не становилось. Объемистый рюкзак выполнял роль паруса, а крупные камни на дне ущелья напоминали подводные рифы, грозившие в любой момент вызвать кораблекрушение.

Когда Клинч наконец добрался до базы, вид у него был совсем неважный. Мокрые от пота усы свисали вниз жалкими сосульками, одежда заляпана грязью, правая штанина разорвана на колене. Шлем он потерял в скалах, и ветер раздувал курдюри, совсем как у короля Лира, ищущего ночного пристанища.

Дверь алюминиевого домика оказалась на запоре.

«Странно! — подумал Клинч. — От кого здесь нужно запираяться?»

Он постучал. Никакого эффекта. Постучал сильнее. Казалось, база покинута людьми. Окна закрыты ставнями, через которые невозможно что-либо разглядеть. Клинч забарабанил в дверь ногами. Неожиданно она распахнулась. На пороге, протирая глаза, стоял Томас Милн. Видимо, он только что поднялся с постели. Мятая пижама, стоптанные шлепанцы. К тому же лауреат премии Роулинса благоухал винным перегаром. Он изумленно глядел на Клинча, пытаясь сообразить, откуда тот взялся.

Клинч представился. Инспектор отдела полезных ископаемых Юджин Коннели, и все такое.

Милн почесал затылок.

— Привезли приказ об эвакуации?

— Нет. Должен определить, что требуется для продолжения работ.

Химик рассмеялся.

— Продолжения работ? Интересно, как они себе это представляют? Разве вы не знаете, что шахта затоплена?

— Знаю.

— И что же?

— Может, вы меня впустите? — раздраженно сказал Клинч. — Я не собираюсь обсуждать дела, стоя на этом чертовом ветру.

— Простите! — Милн посторонился и пропустил Клинча. — Есть хотите?

— Не откажусь.

Клинч проследовал за Милном по полутемному коридору.

— Жить вам придется здесь, — Милн открыл одну из дверей. — Если вы, конечно, не боитесь привидений.

— Это комната Майзеля?

— Да. Мы тут все оставили как было.

Клинч осмотрелся. Комната как комната, похожа на номер во второразрядном кемпинге. Кровать, стол, кресло, убирающаяся в стену ванна. Раковина с двумя кранами. Горячая вода, видно, поступает от атомной электростанции. В общем, жить можно.

На столе, рядом с толстой тетрадью, лежал пистолет «хорн». Клинч сделал вид, что не заметил его. Великолепная улика, если проверить отпечатки пальцев.

— Кают-компания в конце коридора, — сказал Милн. — Я буду там. А это что, почта?

— Совсем забыл, пожалуйста, возьмите! — Клинч подал ему мешок.

На то, чтобы принять ванну и переменить одежду, ушло около сорока минут.

Когда Клинч появился в кают-компании, там уже все были в сборе.

— Знакомьтесь! Мистер Коннели, инспектор КОСМОЮНЕСКО, — представил его Милн. — Сеньора Сальенте, врач, и Энрико Лоретти, биолог.

Прекрасная Долорес одарила Клинча ослепительной улыбкой. Лоретти оторвался на миг от газеты и небрежно кивнул.

Милн поставил на стол перед Клинчем банку саморазогревающихся консервов, пачку галет и термос.

— Вы прибыли вместо Майзеля? — спросила Долорес.

Клинч дожевывал твердую галету и ответил:

— Нет, с инспекторской целью.

— Вот как? С какой же именно?

Клинч налил себе из термоса чуть тепловатый кофе.

— Мне поручено выяснить, как быстро можно начать работы в шахте.

Лоретти неожиданно расхохотался.

— Бросьте врать! — Он протянул Клинчу газету. — Никакой вы не инспектор Коннели, а полицейская ищейка Джек Клинч. Вот полюбуйтесь!

Клинч развернул газету. Это были «Космические новости». На первой странице красовалась большая фотография его особы под заголовком:

«ДЕТЕКТИВ ДЖЕК КЛИНЧ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА МЕЗИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО УБИЙСТВА ЭДУАРДА МАЙЗЕЛЯ».

Да... Видимо, у Дрейка был настоящий нюх репортера. Только подумать, что Клинч сам доставил этот номер газеты в мешке с почтой. Такой промах он ни разу еще не допускал в своей работе.

Лоретти встал и демонстративно вышел из кают-компании.

Милн впился своими пороссячьими глазками в Клинча.

— Так что, Пинкертон, придется выложить карты на стол?
— Придется, — усмехнулся Клинч. — Однако не забывайте, что я еще к тому же наделен инспекторскими полномочиями.
— Постараемся не забыть.

Милн поднялся и вместе с Долорес покинул кают-компанию, оставив Клинча допивать холодный кофе.

2

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖЕКА КЛИНЧА

21 марта

Итак, по воле нелепой случайности я превратился из детектива в следователя. Весь разработанный план пошел насмарку. Приходится вести игру в открытую. Вся надежда на то, что убийца непроизвольно сам себя выдаст. Нужно перейти к тактике выжидания, ничего не предпринимать, ждать, пока у преступника сдадут нервы и он начнет делать один ошибочный ход за другим. Впрочем, кое-что уже есть. Пистолет «хорн». Кто-то промыл его спиртом, смыл отпечатки пальцев. При этом так спешил, что не заметил нескольких волокон ваты, прилипших к предохранителю. Все это было проделано, пока я в одиночестве пил кофе. Когда я вернулся в комнату, запах спирта еще не выветрился.

В обойме не хватает одного патрона, в стволе — следы выстрела. Обшарил всю комнату в поисках стреляной гильзы. Безрезультатно. Либо выстрел был произведен в другом месте, либо гильзу предусмотрительно убрали. Первая версия более вероятна. Комната слишком мала, чтобы пуля тридцать пятого калибра не прошла навывлет. Вероятно, выстрел был сделан с расстояния двадцать-тридцать метров. Ладно, не будем торопиться с выводами, а пока — спать!

22 марта

Спал отвратительно. Всю ночь мерещились шаги в коридоре и какой-то шепот. Несколько раз вставал и подходил к двери, шаги смолкали. На всякий случай запер дверь на ключ и сунул под подушку пистолет. У меня нет никакого желания прибыть на Землю в кремированном виде.

Утром завтракал в одиночестве. Опять консервы и кофе, который сам сварил на плитке. Обитатели базы не показывались.

Просмотрел тетрадь, лежавшую на столе. В ней данные геофизической разведки с многочисленными пометками, сделанными другой рукой. Видимо, это почерк Майзеля. Очень характерный почерк, неразборчивый и с наклоном в левую сторону. Жаль, что я не графолог, с этим почерком стоило бы познакомиться.

Если затопление шахты — диверсия, то проделана она со знанием дела. Рядом с главным стволом — подземное озеро, миллионы кубометров воды. Галерея шахты должна была идти в другую сторону. Очевидно, взрыв разрушил перемышку между стволом и озером. Если так, то откачать воду вряд ли удастся.

Листая тетрадь, сделал любопытное открытие: на полях в

нескольких местах женский профиль. Рисунок не очень искусный, но все же улавливается нечто общее с профилем прекрасной Долорес. Чернила те же, что и на пометках, сделанных Майзелем. Любопытно! Сразу складывается версия: ревнивец, стреляющий по счастливому сопернику. Впрочем, чушь! Не такая была внешность у Майзеля, чтобы взять приз на подобных скачках. Тогда что же? Неразделенная любовь. Опять-таки повод для самоубийства. Но самоубийства не было, значит... Значит, гипотеза не подходит.

Около двух часов пополудни услышал, как кто-то топает по коридору. Открыл дверь и столкнулся с ученым Томасом Милном. Он был настолько пьян, что шел, держась за стены.

Я спросил его, когда здесь обедают.

Он подтянул сползающие брюки и ответил:

— Когда захотят. Что касается меня, то постараюсь проделывать это в такое время, когда вас там не будет. Ясно?

— Яснее выразиться трудно. Как говорится, благодарю за комплимент.

Обедал в одиночестве. На кухне, примыкающей к кают-компании, холодильная камера. Большой набор продуктов, но не чувствуется, чтобы ими пользовались. Сковородки и кастрюли покрыты толстым слоем пыли. Разыскал замороженное мясо и жарил себе бифштекс весом в два фунта. Запил пивом. После этого стало как-то веселее жить.

Вымыл посуду и направился восвояси.

В кают-компании обнаружил Энрико Лоретти, поглощающего консервы. Увидев меня, он вздрогнул и выронил вилку.

Я спросил его, почему никто не готовит обед.

Он пожал плечами:

— Так безопасней.

— В каком отношении?

— В запаянную банку труднее подсыпать яд.

Я почувствовал, как у меня в животе перевернулся съеденный бифштекс. Впрочем, разговор принял занятное направление, и я решил его продолжить.

— Чепуха! Кто же тут может подсыпать яд?

— Не беспокойтесь, желающие найдутся.

Он бросил в мусоропровод банку и, не поднимая глаз, вышел из кают-компании.

Я вернулся в свою комнату и сразу почувствовал, что в ней что-то изменилось. Тетрадь на столе была немного сдвинута, а в воздухе витал чуть уловимый запах духов.

Я снова просмотрел тетрадь. Один лист оказался вырванным. К сожалению, в прошлый раз я ее только перелистал и сейчас никак не мог вспомнить, что же могло быть на этих страницах.

Пересмотрел заново все записи. Ничего интересного, если не считать рисунков на полях.

Спать лег рано, приняв соответствующие меры против непрошенных визитеров.

23 марта

Первый допрос Долорес Сальенте. Все получилось совершенно неожиданно. Я готовил себе завтрак, когда она пришла на кухню.

— Доброе утро, мистер Клинт!

— Доброе утро, сеньора!

— Можете называть меня Долорес.

— Благодарю вас!

Она села на табуретку. Я невольно залюбовался ею, до того она была хороша в кружевном пеньюаре. Пахло от нее уже знакомыми мне духами.

Я предложил ей кофе.

Она сидела, опустив глаза, пока я жарил яичницу. Женщины обычно плохо умеют скрывать волнение. В таких случаях их выдает напряженная поза. Долорес несколько раз порывалась что-то сказать, но не решалась. Пришлось прийти ей на помощь:

— Вы хотите меня о чем-то спросить?

— Да.

— Пожалуйста!

— Почему... почему вы меня не допрашиваете?

Я рассмеялся.

— А почему вы решили, что я должен вас допросить?

Она взглянула мне в глаза, и я почувствовал, что это крепкий орешек, гораздо крепче, чем можно было предположить. Во взгляде мексиканки было нечто такое, что трудно определить. Какая-то смесь страха и твердой решимости бороться до конца. Раненая пантера, приготовившаяся к прыжку.

— Ведь вы меня, наверное, подозреваете в убийстве Майзеля, — сказала она спокойным тоном, будто речь шла о совершенно обыденных делах.

Нужно было чем-то сбить этот тон, и я спросил:

— Зачем вы вчера заходили ко мне в комнату?

Она побледнела и закусил губу.

— Случайно. Я привыкла поддерживать в ней порядок и вчера совершенно машинально...

— Не лгите, Долорес! Вы вырвали лист из тетради. Почему? Что там было такого, что вам обязательно понадобилось это убрать?

— Ничего. Клянусь вам, ничего особенного!

— И все же?

— Ну... там были... стихи, и я боялась, вы неправильно поймете... Словом, все это личное.

— Где эти стихи?

— У меня в комнате.

— Пойдемте!

Несколько секунд она колебалась.

— Ну что ж, пойдемте!

В коридоре мы столкнулись с Лоретти. Нужно было видеть выражение его лица, когда я вслед за Долорес входил в ее комнату.

— Вот! — Она протянула мне сложенный вчетверо тетрадный лист.

На полях рядом с данными гравигационных измерений были нацарапаны стихи, которых раньше я не заметил:

Когда со светом фонаря
Смешает бледный свет
Мертворожденная заря,
В окно вползает бред.

И то, что на меня ползет,
Огромно, жадно и безлико.
Мне страшно, раздирают рот
В тиши немые спазмы крика.
Мне от него спасенья нет.
Я тяжесть чувствую слоновью...
И говорят, что этот бред
В бреду я называл любовью.

- Эти стихи посвящены вам?
- Не знаю. Возможно.
- Он был вашим любовником?
- Нет.
- Он вас любил?
- Да... кажется.
- А вы его?
- Нет.

Я вернул ей листок со стихами. Мне он был не нужен, а ей... Кто разберется в душе женщины, да еще и к тому же красивой.

- Как умер Эдуард Майзель?
- Он застрелился.
- Где?
- Около шахты.
- Кто его обнаружил?
- Милн.
- Как там очутился Милн?
- Эдуард не пришел ночевать, и Милн отправился его искать.
- Милн принес труп на базу?
- Нет, он прибежал за нами, и мы втроем...
- Куда стрелял Майзель?
- В голову.
- Рана была сквозная?
- Не знаю. Череп был сильно изуродован, и я...
- Договаривайте!
- И я... Мне было тяжело на это смотреть.
- И все же вы его собственноручно кремировали?
- Я обязана была это сделать.
- Вам кто-нибудь помогал?
- Энрико.

Я задумался. Тут была одна тонкость, которая давала повод для размышлений. Долорес, видимо сама того не замечая, называла Майзеля и Лоретти по имени, а Милна — по фамилии. Это не случайно. Очевидно, отношения между членами экспедиции были в достаточной мере сложны.

- Как вы думаете, почему застрелился Майзель?

Я намеренно немного опустил поводья. Сделал вид, что верю, будто это самоубийство. Однако во взгляде Долорес снова мелькнул страх.

- Не знаю. Он вообще был какой-то странный, особенно последнее время. Я его держала на транквилизаторах.
- Он всегда был таким?

— Нет, вначале это не замечалось. Потом он стал жаловаться на бессонницу, ну а после взрыва в шахте...

— Он прибегал к снотворному?

— О да!

Еще одна загадка. Если убийца Долорес, то проще ей было его отравить. Ведь она врач и сама должна была определить причину смерти. Проще простого вкатить смертельную дозу наркотика, а в заключении поставить диагноз: паралич сердца. Нет, тут что-то не то! И все же откуда у нее этот страх? Я вспомнил слова Лоретти о яде, который могут подсыпать в пищу. Они все тут чего-то боятся. Не зря же питаются только консервами! Остерегаются друг друга? Бывает и так, когда преступление совершено сообща.

Я решил провести разведку в другом направлении.

— Что вам известно о взрыве в шахте?

— Почти ничего. Эдуард сказал, что это от скопления газов.

— В это время кто-нибудь был на рабочей площадке?

— Мы все были на базе. Взрыв произошел во время обеда.

В каждом допросе есть критическая точка, после которой либо допрашиваемый, либо следователь теряют почву под ногами. Я чувствовал, что наступает решающий момент, и спросил напрямик:

— Взрыв в шахте мог быть результатом диверсии?

Кажется, я попал в цель. Теперь во взгляде Долорес было такое выражение, какое бывает у тонущего человека.

— Нет, нет! Это невозможно!

— Почему?

— Не знаю.

Мне показалось, будто что-то начинает проясняться, и я задал новый вопрос:

— У вас есть оружие?

— Есть... пистолет.

— Такой? — я достал из кармана пистолет Майзеля.

— Да.

— Зачем он вам? Ведь здесь, на Мези, не от кого защищаться.

— Не знаю. Все экспедиции снабжаются оружием.

Проклятье! Я вспомнил, что в документах нет никаких данных о номерах пистолетов. Тот, что я сейчас держал в руках, мог принадлежать любому члену экспедиции.

— Как пистолет Майзеля оказался в его комнате?

— Я его подобрала около шахты.

— А почему вы после моего появления здесь смыли с него отпечатки пальцев?

Она удивленно подняла брови.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Позавчера вечером пистолет был промыт спиртом.

— Клянусь вам, что я об этом не знаю!

Возможно, что на этот раз она не лгала.

— Благодарю вас, Долорес! Пожалуйста, никому не рассказывайте, о чем мы тут с вами беседовали.

— Постараюсь.

Я откланялся и пошел к себе. Итак, новая версия: Долорес взрывает шахту. Об этом становится известно Майзелю, и она в спешке приканчивает его из своего пистолета. Затем берет его пистолет, а свой оставляет на месте преступления. Однако сколько требуется натяжек, чтобы эта версия выглядела правдоподобно!

24 марта

Снова спал очень плохо. Ночью кто-то тихо прошел по коридору, постоял у моей двери, а затем тихонько попробовал ее открыть. Я распахнул дверь с пистолетом в руке, но в коридоре уже никого не было. Потом я долго не мог уснуть. Я не робкого десятка, но иногда мне тут просто становится страшно. Есть что-то зловещее во всей здешней обстановке.

Утром решил осмотреть шахту. Впрочем, утро — понятие довольно относительное. Живем мы все тут по земному времени. Фактически же ни дня, ни ночи нет. Всегда сумерки, а вечно маячащий на горизонте багровый диск скорее греет, чем светит. Я невольно вспомнил стихи Майзеля. «Мертворожденная заря» — сказано очень точно.

Это была моя первая вылазка за пределы базы. В ущелье дул ветер, и идти против него было нелегко.

С годами у меня выработалось обостренное чувство опасности. Я обычно инстинктивно поворачиваюсь раньше, чем выстрелят в спину. Это не раз спасало мне жизнь. Вот и сейчас, идя согнувшись в сплошной пелене хлеставшего по глазам дождя, я чувствовал, что за мной кто-то крадется. Несколько раз на ходу я просматривал пространство за собой при помощи карманного зеркала. Однажды мне показалось, что за уступ скалы скользнула какая-то тень. Я сунул руку в карман и перевел предохранитель пистолета в боевое положение. К сожалению, это мало что меняло. Шум ветра заглушал все другие звуки; а для того, кто крался сзади, я был отличной мишенью.

Все же до шахты я добрался безо всяких приключений. Здесь, над небольшим «пяточком», где располагалась бурильная установка и стояли бездействующие механизмы, скалы нависали со всех сторон, образуя своеобразное перекрытие. Ветер тут свирепствовал с особой силой.

Заглянув в глубь ствола, я увидел зеркало воды примерно в десяти метрах от поверхности.

Я попытался представить себе все, что тут произошло, и внезапно меня осенило. Нужно точно выяснить, где был обнаружен труп, а затем попытаться найти гильзу от патрона. Если это самоубийство, она должна была находиться где-то рядом. На всякий случай я решил осмотреть почву возле самой шахты, благо со мной был электрический фонарь.

Я был целиком поглощен поисками, и только присущее мне шестое чувство заставило отпрыгнуть в сторону раньше, чем на место, где я стоял, обрушился сверху обломок скалы.

Теперь отпали все сомнения. Меня хотят убрать по той же причине, по которой убили Майзеля. Из охотника я превратился в дичь.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖЕКА КЛИНЧА

25 марта

Вчера вернулся на базу совершенно разбитый. Повесил сушить одежду и завалился на кровать. Несмотря на усталость, спал плохо. Во сне мерещились то серая тень с пистолетом в руке, то Роу, приказывающий найти убийцу, то окровавленный Майзель, который, стоя на краю шахты, взывал к возмездию. Проснулся с твердым намерением, не откладывая, довести до конца все, что решил вчера. Оделся и, не завтракая, постучал в дверь к Томасу Милну.

В ответ послышался хриплый голос, приглашавший зайти.

Великий боже! Мне показалось, что я попал в клетку со скунсом. Неприбранная кровать с грязными простынями, стол, заставленный химической посудой, обрывки бумаги и окурки на полу. Запах немытого тела и алкоголя.

Химик сидел полуодетый на кровати и уписывал консервы. В ногах у него стояла уже опорожненная бутылка виски.

— А, комиссар Мегрэ! — приветствовал он меня с насмешливой улыбкой. — Вот не ожидал! Ну что ж, давайте выпьем по этому поводу! — Он подошел к шкафу и достал новую бутылку. — Вот черт! Где-то был стакан. Впрочем, пейте из горлышка первый, я-то не брезгливый, могу после вас.

Я взял бутылку, подошел к шкафу, поставил ее на место, запер дверцу и положил ключ в карман.

Он смотрел на меня, вытаращив глаза.

— Эй! Какого дьявола вы распоряжаетесь в моей комнате?!

— По праву старшего.

— Тут нет старших. У нас персимфанс, оркестр без дирижера, так что отдайте ключ и катитесь к чертовой матери!

— Я инспектор отдела полезных ископаемых.

Тут он взорвался окончательно.

— Сукин сын вы, а не инспектор! Будь вы инспектором, вы бы видели, что тут творится! Пора закрывать эту лавочку, не то...

— Что же вы замолчали? Я вас слушаю.

Он устало махнул рукой.

— Отдайте ключ.

— Не отдам. Вы мне нужны в таком состоянии, чтобы дойти до шахты.

Опять это знакомое мне выражение испуга.

— До шахты? Я туда не пойду.

— Почему?

— Мне там нечего делать.

— Вы помните место, где подобрали труп Майзеля?

— А что?

— Покажете мне.

— Не могу.

— Как это не можете?

— Забыл.

Я подошел к нему, схватил за плечи и потрянул с такой силой, что у него лязгнули зубы.

— Одевайтесь — и пошли!

— Я не могу, — вдруг захныкал он, — я болен!

— Вы не больны, а пьяны.

— Нет, болен. У меня кашель, высокая температура и еще печень болит.

— Хорошо. Сейчас я приглашу сюда сеньору Сальенте. Она определит, больны вы или нет, и, если нужно, даст лекарство.

Внезапно он протрезвел.

— Сальенте? Ну нет! Скорее я суну голову в львиную пасть, чем возьму лекарство из рук этой гадюки!

— Почему?

— Хочу еще пожить.

Я начал терять терпение.

— Послушайте, Милн. Или вы перестанете валять дурака и говорить загадками, или я вас так трахну головой о стену, что вы забудете, как вас зовут!

— Я не говорю загадками. Просто я боюсь этой женщины.

— Вы считаете, что она могла убить Майзеля?

Он расхохотался так, что слезы полились из глаз.

— Убить Майзеля?! Ох, уморил! Долорес могла убить Майзеля! Да вы знаете, что она нянчилась с этим хлюпиком, как с малым ребенком? После взрыва в шахте он запсиховал, ну, что-то вроде нервной горячки. Так она с ним ночи сидела напролет. А вы — убить! Нет, уважаемый Шерлок Холмс, тут ваш метод дал осечку.

— Вы уверены, что Майзель покончил с собой?

— А кто его знает? Может, и покончил. Я при этом не присутствовал. А вообще, он был чокнутый, этот Майзель.

— Хватит! Одевайтесь!

Видно, он понял, что я от него все равно не отвяжусь.

— Отдайте ключ, тогда пойду.

— Не отдам. Вернемся — пейте сколько влезет.

— Ну один глоточек!

— Черт с вами! Лакайте!

Я отпер шкаф и налил ему в мензурку на два пальца. Но тут у меня опустилась рука, и содержимое бутылки полилось на ноги. Среди огрызков хлеба, недокуренных сигарет лежала стреляная гильза.

— Перестаньте разливать виски! — крикнул Милн. — У меня его не так много осталось, чтобы поливать пол.

Я поставил бутылку.

— Скажите, Милн, откуда у вас эта гильза?

Он выпил и еще раз себе налил. На этот раз я ему не препятствовал.

— Откуда гильза? Подобрал около шахты.

— Когда?

— Не помню. Давно.

— Зачем?

— А чего ей там валяться?

Я взял гильзу. Судя по влажным окислам на поверхности, она долго находилась под открытым небом и попала на стол к Милну не далее чем вчера.

— Ладно, — сказал я, — поход отменяется, а теперь сядьте, и поговорим по душам.

— А разве до этого мы говорили не по душам?

Он снова начал хмелеть, но я подумал, что, может, это лучше. Больше вероятности, что проболтается спьяну.

— Слушайте, Милн. Есть основание считать, что Майзель был убит, и подозрение падает на вас.

Он ухмыльнулся.

— Ну нет! Номер не пройдет! У меня железное алиби. Я тогда два дня не уходил с базы.

— Но именно вы нашли труп.

— Это еще ничего не доказывает.

Милн нахмурился и засопел. Видимо, такая постановка вопроса ему была не очень приятной. Я выдержал долгую паузу и спросил:

— Вы вчера шли за мной к шахте?

— Шел.

— Зачем?

— Обожаю детективные романы. Хотел поглядеть, как работает прославленный Джек Клинч.

— И чтобы облегчить мне работу, спрятали гильзу?

— Может быть.

— Где вы ее обнаружили?

— Она сама попалась мне под ноги. Около входа на «пятячок». Видно, отнесло туда ветром.

Я мысленно обругал себя болваном. Эту возможность я не предусмотрел. В самом деле, ветер такой силы вполне мог откатить легкую гильзу.

— А потом из-за того же интереса к детективным сюжетам вы пытались меня убить?

— Я этого не делал. Слышал, как упал обломок скалы, но я находился тогда внизу.

— Что же, он сам так просто и свалился?

— Возможно. Такие вещи тут бывают. Полно бактерий, разлагающих горные породы. Остальное делает ветер.

— А вы не допускаете мысли, что этот обломок кто-то сбросил нарочно?

— Вполне допускаю.

— Кто же это мог сделать?

Он удивленно взглянул на меня.

— Как кто? Конечно, Энрико. Вы его еще не знаете. Угробил двух жен, и вообще ему убить человека легче, чем выкурить сигарету.

О господи! Час от часу не легче! Я вообще уже перестал что-либо понимать. Если даже допустить, что все они убили Майзеля сообща, то какой ему резон топить Лоретти? Ведь о главной улике — пуле, найденной в пепле, — им ничего не известно. Зачем же Милну так легко соглашаться с версией убийства? На суде все равно вскрыется правда, тем более что изворачиваются они очень неумело. Однако так или иначе, но допрос нужно было довести до конца.

— Значит, Лоретти мог и Майзеля убить?

— Конечно!

— Вы располагаете какими-нибудь данными на этот счет?

— Я же вам сказал, что это законченный негодяй.

— Ну а взрыв в шахте — тоже дело чьих-нибудь рук?

— Не думаю. Тут все объясняется просто. Бактерии выделяют много водорода. Я предупреждал Майзеля, чтобы он был осторожнее.

— И он вас не послушал?

— Видно, не послушал, раз произошел взрыв.

В комнате было нестерпимо душно, и я весь взмок. Хотелось поскорее уйти из этого логова алкоголизма, но многое в Милне мне еще оставалось неясным. Я решил повернуть допрос в новое русло.

— Скажите, Милн, почему вы так опустились? На Земле у вас жена и трое детей. Неужели вам не стыдно предстать перед ними в таком виде?

Он вздрогнул, будто я ударил его по лицу.

— Мне страшно, Клинч, — произнес он после небольшой паузы. Весь его гаерский тон куда-то улетучился. — Вы знаете, что такое страх?

— Знаю.

— Нет, не знаете, — вздохнул он. — Вам, наверное, никогда не приходилось умирать от страха. Мне кажется, что я схожу с ума. Я боюсь всего. Боюсь этой проклятой планеты, боюсь Лоретти, боюсь Долорес, боюсь...

— Меня? — подсказал я.

— Да, вас. Боюсь, что вы мне пришьете дело об убийстве, в котором я не виноват!

Я протянул ему бутылку, и он с жадностью припал к горлышку.

— Не собираюсь вам пришивать дело, Милн, но, если в моих руках будет достаточно улик, тогда берегитесь!

— Спасибо за откровенность! — Он запрокинул голову и вылил себе в глотку добрые полпинты неразбавленного виски.

— И вот что еще, — сказал я, — отдайте мне ваш пистолет.

Милн безропотно вытащил из кармана брюк вороненый «хорн» и подал его мне. Пистолет был на боевом взводе, со спущенным предохранителем. У меня заныло под ложечкой, когда я подумал, что все это время ему было достаточно сунуть руку в карман, чтобы выпустить мне в живот целую обойму. Впрочем, так, открыто, он вряд ли бы на это решился. Такие обычно наносят удар из-за угла.

Я встал и уже в дверях как бы невзначай задал вопрос:

— Кстати, не вы ли на днях смыли спиртом следы пальцев с пистолета Майзеля?

— Я.

— Почему?

— Все по той же причине. Там могли быть и мои следы.

26 марта

Опять не мог уснуть. Поводов для размышлений было более чем достаточно. Что представляет собой Милн? Откуда эта смесь наглости и страха? Почему он старается выгородить Долорес и поставить под подозрение Лоретти? Отчего не спрятал гильзу, а оставил ее на столе? Трудно предположить, чтобы он не ожидал моего визита. Тогда что же? Желание поиграть

в опасную игру? К тому же, мне казалось, что временами он прикидывался более пьяным, чем был на самом деле.

Если принимать поведение Милна всерьез, то напрашивается версия, при которой преступники — Милн и Долорес, а Лоретти что-то знает, но по неизвестным причинам не решается их разоблачить. Тогда становятся понятными загадочные слова Лоретти о яде, который могут подсыпать в пищу.

Кроме того, оставалось невыясненным вчерашнее падение камня. Случайность это или покушение.

Видимо, с камня и нужно начинать распутывать весь клубок.

Я оделся и, стараясь двигаться как можно тише, чтобы никого не разбудить, вышел на воздух.

Ветер стих, дождя тоже не было, и я дошел до шахты значительно быстрее, чем позавчера. На этот раз я был уверен, что за мною никто не крадется, поэтому позволил себе полностью расслабиться. После нескольких дней непрерывного напряжения, впервые я наслаждался чувством безопасности и с удовольствием вдыхал свежий воздух.

Без особого труда мне удалось найти место, где я чуть было не отправился к праотцам. Обломок скалы весом в несколько тонн выглядел достаточно внушительно для надгробного памятника ирландцу на чужбине. Такого не постыдился бы даже мой дед, заказавший себе при жизни самый роскошный склеп в Дублине.

Я вооружился лупой и самым тщательным образом исследовал поверхность обломка. Милн говорил правду. Весь разлом, за исключением тонкой перемычки, был изъеден, как сыр рокфор. Впрочем, оставшуюся перемычку могли с одинаковым успехом сломать и ветер и человек.

Оставалось только бегло осмотреть почву. Следы крови давно уже должны были быть смыты дождями, а на какую-нибудь случайную находку я мало рассчитывал.

Вскоре я отправился назад, так и не обнаружив ничего интересного.

До базы оставалось не более сорока шагов, когда я услышал громкие голоса. На всякий случай я спрятался за выступ скалы и, выждав немного, осторожно высунул голову.

У дверей базы оживленно разговаривали Милн с Лоретти. Вернее, говорил Милн, а Лоретти весело смеялся. Затем Лоретти похлопал Милна по плечу, и они, продолжая беседовать, скрылись в дверях.

Я простоял в своем укрытии еще несколько минут, а затем с беспечным видом пошел к дому.

Однако выдержки мне хватило ровно настолько, чтобы дойти до своей комнаты. Там я бросился на кровать и в отчаянии схватился за голову. Теперь я решительно ничего не понимал! У меня даже мелькнула мысль, не разыгрывают ли тут меня. Неплохой сюжетик для водевиля. Сыщик явился для расследования убийства, а изнывающие от безделья ученые подсовывают одну липовую версию за другой и потом веселятся за его спиной. Если так... Впрочем, нет! Весь мой многолетний опыт детектива подсказывал, что это не то. Я вспомнил выражение испуга во взгляде Долорес. Нужно быть изумительной актрисой, чтобы играть с таким искусством. Кроме того, Майзель мертв,

а у меня в кармане оболочка пули. Тут уже не до шуток. Для убийцы дело пахнет максимальным сроком заключения, если не хуже.

Я вымыл голову под краном и решил побриться, но тут мне был преподнесен новый сюрприз. Кто-то постучал в дверь, и голосок Долорес произнес сладчайшим тоном:

— Мистер Клинч, идите завтракать!

Этого я ожидал меньше всего.

В кают-компании моему взору представилась поистине буколическая картина. Во главе стола восседала прекрасная Долорес. На ней было ажурное трикотажное платье, на изготовление которого ушло меньше шерсти, чем можно было бы настричь с моих усов. Справа от нее сидел свежесбранный Милн в крахмальной рубашке с галстуком, к тому же совершенно трезвый. Слева — Лоретти, красивый, как супермен на сигаретной этикетке.

Они ели яичницу с беконом. В центре стола красовалось большое блюдо с тостами.

Я пожелал им приятного аппетита. Долорес жестом указала мне место напротив себя.

— Вам кофе с молоком или черный? — спросила она.

— Благодарю вас, черный.

Лоретти пододвинул ко мне сковороду с яичницей, и мы с ним обменялись любезнейшими поклонами.

Я подумал, что, видимо, это мой последний завтрак в жизни. Неплохо придумано! Трое свидетелей внезапной смерти Джека Клинча. Виноват, Юджина Коннели, инспектора и т. д. Дальше все по трафарету. Контейнер с прахом отправляется на Землю, прелестные пальчики мадемуазель Лоран повязывают траурный креп на урне, скромные похороны на кладбище в Космополисе.

— Почему вы не едите? — поинтересовалась Долорес.

— Спасибо, не хочется.

— Бойтесь, что отравят? — усмехнулся Милн.

— Нет, не боюсь.

— Бойтесь! — Он поддел вилкой большой кусок с моей сковороды и отправил себе в рот. — Ну что? Убедились?

— Убедился. — Я мысленно вознес молитву святому Патрику и залпом выпил кофе.

— Как вам здесь нравится? — светским тоном осведомилась Долорес.

— Ничего, очень мило. А у вас сегодня что, какой-нибудь праздник?

— У нас теперь каждый день праздник, — сказал Милн. — Делать-то нам нечего.

— Смотря кому, — поморщился Лоретти, — мне так работы хватает.

— Вот как, вы продолжаете работу? — Для меня это было новостью.

— Делаю кое-что.

— Когда же нас все-таки отправят на Землю? — снова зада-ла вопрос Долорес.

— Не знаю. Это должен решить мистер Роу.

— Ну а ваше мнение?

— Я думаю, что базу нужно ликвидировать. Откачать воду

из шахты вряд ли удастся, а бурить такую толщу скал невозможно.

— Правильно! — хлопнул рукой по столу Милн. — Вот это слова! Приятно слушать!

Лоретти встал со стула.

— Прошу извинить, у меня дела.

Я тоже поднялся.

— Спасибо за кофе, Долорес. Мне нужно с вами поговорить, сеньор Лоретти.

Он удивленно поднял брови.

— Пожалуйста, но только не раньше чем через час. Я должен закончить опыт.

Я провел этот час у себя в комнате, пытаюсь разобраться, чем была вызвана удивительная метаморфоза. Чем больше предположений я строил, тем меньше что-нибудь понимал.

Так ничего и не решив, я направился к Лоретти.

Дверь комнаты Милна была открыта. Я заглянул туда. Долорес босиком, в шортах, мыла пол. Милн с видом пай-мальчика, без ботинок, поджав ноги, сидел на тщательно застеленной кровати. Окно было распахнуто, и даже видневшееся в нем небо имело какой-то непривычно голубоватый оттенок.

Поистине день чудес!

Долорес меня заметила и, откинув тыльной стороной руки прядь волос, улыбнулась.

— Не правда ли, мистер Клинч, Милн ужасная неряха?!

Я неплохо разбираюсь в женских ногах и могу сказать без преувеличения, что у Долорес они выше всяких похвал. Увы! Детективу часто приходится приносить в жертву самое лучшее, чем может жизнь одарить мужчину. Впрочем, лирику побоку! Мне предстоял важный разговор, который мог кое-что прояснить.

Я постучал в дверь Лоретти.

Он сидел за микроскопом и кивком головы предложил мне сесть.

Я огляделся по сторонам. В комнате был идеальный порядок. В углу, над кроватью, висела фотография молодой девушки, почти ребенка. Мне невольно вспомнилась история с несовершеннолетней дочерью миллионера.

— Поглядите, мистер Клинч, металлургический завод в миниатюре.

Я подкрутил окуляры по своим глазам. В капле на предметном столике копошились какие-то твари.

— Бактериологическое разложение осмистого иридия, — пояснил Лоретти. — Полный переворот в технике. Огромная экономия, не нужно ни электрического тока, ни сложного оборудования. Все идет без вмешательства человека.

— Да, занятно. Но какой сейчас в этом толк, если шахта затоплена, а другого места для добычи на планете нет? — Я намеренно задал этот вопрос. Меня интересовало, как он воспринимает все случившееся.

— Не беда! — ответил он небрежным тоном. — Тут у меня подготовлено несколько штаммов для отправки на Землю. Не удалось тут — наладим там.

— А это не опасно?

— В каком смысле опасно?

— Все-таки бактерии. А вдруг они вызовут на Земле какую-нибудь эпидемию?

— Исключено!

— Почему?

Он достал из стола коробку с сигарами. Это были мои любимые «Корона-корона», и я с удовольствием закурил.

— Видите ли, мистер Клинч, — сказал он, выпустив большой клуб дыма, — здесь, на Мези, никогда не было животной жизни, поэтому и опасных для живого организма бактерий быть не может. Они просто не смогли появиться в процессе эволюции.

— А если, попав на Землю, приспособятся вместо осмистого иридия паразитировать на живых существах?

— Не думаю. Тогда это уже не те бактерии. Кроме того, будут приняты все необходимые меры предосторожности.

Я решил переменить тему.

— Чем вы объясняете сегодняшний торжественный завтрак в полном сборе?

Он поморщился и раздавил в пепельнице сигару.

— Людям иногда надоедает валять дурака, мистер Клинч.

— И вам тоже?

— И мне тоже.

— А я уже подумывал, нет ли тут каких-нибудь бактерий, вызывающих умопомешательство.

— Таких бактерий тут быть не может, я уже объяснял почему...

Я тоже погасил сигару и встал.

— Очень благодарен вам за беседу. Если не возражаете, зайду как-нибудь еще.

— С наручниками?

— Пока без них.

Он снова занялся своим микроскопом. Я подождал, пока его мысли не переключились целиком на работу, и спросил:

— Чем вызван взрыв в шахте?

— Не знаю, — ответил он, не отрываясь от окуляров. — Это не по моей части, спросите Милна.

— Милн считает, что был взрыв газа.

— Значит, взрыв газа.

— И о смерти Майзеля вы ничего не можете мне сообщить?

— И о смерти Майзеля я вам ничего не могу сообщить, обратитесь к Долорес.

— До свидания, сеньор Лоретти!

— Прощайте, мистер Клинч!

4

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖЕКА КЛИНЧА

4 апреля

Восемь дней ничего не записывал. Внезапно возникшая нежная дружба между обитателями базы тает, как кусок сахара в стакане чая. Некоторое время еще продолжались совместные трапезы, но уже без былого блеска. Долорес что-то готовила на скорую руку, однако созвать всех вовремя к обеду было не-

легко. Уже на третий день Милн стал являться в кают-компанию под хмельком, а Лоретти часто отсутствовал, ссылаясь на срочные опыты.

Все же встречи за столом давали мне единственную возможность продолжать наблюдения. Остальное время все отсиживают по своим комнатам. Снова дует ветер, и мы живем при искусственном свете. Приходится держать ставни закрытыми. Даже специальные стекла не выдерживают напора ветра. О том, чтобы выйти на прогулку, нечего и думать.

Все эти дни я пытался заново пересмотреть все, что мне известно о членах экспедиции. Мне кажется, что все они одна шайка и, судя по моим впечатлениям, Лоретти — главарь. Майзель им мешал, и его убили. Я даже не уверен, действительно ли взрыв в шахте предшествовал смерти Майзеля. А может быть, наоборот. К сожалению, сейчас установить это трудно.

Мне совершенно не ясна роль Долорес. Судя по ее поведению, она целиком во власти Лоретти и Милна. Она много знает, но очень искусно играет свою роль. Зачем им понадобилась эта инсценировка дружбы? Впрочем, тут не только инсценировка. Я ведь видел из укрытия, как беседовали по-приятельски Милн с Лоретти. Тогда, значит, инсценировкой была их взаимная неприязнь?

Они вполне могли меня отравить, но почему-то побоялись. Возможно, понимали, что две смерти вызовут подозрения. Может быть, если б не проныра Дрейк с его заметкой в «Космических новостях», я бы уже давно был на том свете. Этот подонок, сам того не подозревая, оказал мне неплохую услугу. Правда, игру приходится вести в открытую, но они-то знают, что находятся под подозрением, и вынуждены действовать очень осторожно.

О, с каким удовольствием я бы отдал их в руки правосудия! Но у меня нет никаких прямых улик. Болтовня Милна не в счет, он уже на предварительном следствии может от всего отпереться. Подобранная им гильза? Но мои показания вряд ли будут приняты во внимание, а других доказательств нет. Оболочка пули? Это, конечно, веская улика, но докажи, кто убил! Суду нужен конкретный убийца, а не трое предполагаемых. Ну что ж, значит, нужно продолжать искать убийцу.

7 апреля

Чрезвычайное происшествие! Уже несколько дней я чувствовал, как что-то назревает. Какая-то гнетущая атмосфера страха и взаимного недоверия. Все сидят в своих комнатах, снова питаются консервами. Меня просто игнорируют. При встречах отворачиваются и не отвечают на приветствия. Милн беспробудно пьянствует. Я слышу, как он натывается на стены, когда идет в уборную. Долорес ходит с заплаканными глазами. Опять по ночам кто-то подкрадывается к моей двери и пробует, заперта ли она.

И вот вчера все разразилось.

Я задремал, и разбудил меня громкий шепот в коридоре. Разговаривали Милн с Лоретти. Слов разобрать не удавалось.

Только один раз до меня донесся обрывок фразы: «...он может услышать, и тогда...» Очевидно, речь шла обо мне. Спустя некоторое время шепот перешел в перебранку. Голос Лоретти громко произнес: «Не думай, что тебе это удастся!» Последовал звук удара, топот ног, закричала Долорес, а затем прозвучал выстрел.

Я выскочил в коридор.

Милн стоял, привалясь к стене. Одной рукой он держался за бок, а другой сжимал длинный охотничий нож. Напротив него — Лоретти с пистолетом. Дверь в комнату Долорес была открыта.

— Что тут происходит, черт вас подери?!

— Он меня ранил! — захныкал Милн.

В дверях показалась Долорес. На ней была шелковая пижама. Видно, ее подняли с постели.

— Какой негодяй! — произнесла она дрожащим голосом. — Боже, какой негодяй!

Я не понял, к кому это относилось.

Милн шагнул вперед.

— Эй, отнимите у него нож, а то он вас пырнет! — крикнул Лоретти.

Ударом по предплечью я заставил Милна выронить нож, а затем обратился к тем двоим:

— Сдайте оружие!

Лоретти швырнул свой «хорн» мне под ноги.

— И вы, Долорес, тоже!

Она вызывающе взглянула на меня.

— Я не могу тут остаться безоружной. Не забывайте, что я женщина!

Глядя на нее, забыть это было трудно.

— Ладно, защищайте свою честь. Так что же все-таки произошло?

— Он вломился ко мне в комнату! — Долорес показала пальцем на Лоретти.

— Он стрелял в меня, ранил, хотел убить! — проскулил Милн.

— Милн пытался ударить меня ножом, мы сцепились врукопашную, я не удержался на ногах и влетел в комнату Долорес, ну а потом... пришлось стрелять.

— Это правда?

Долорес презрительно улыбнулась.

— Не верьте ему. Этот негодяй способен на что угодно!

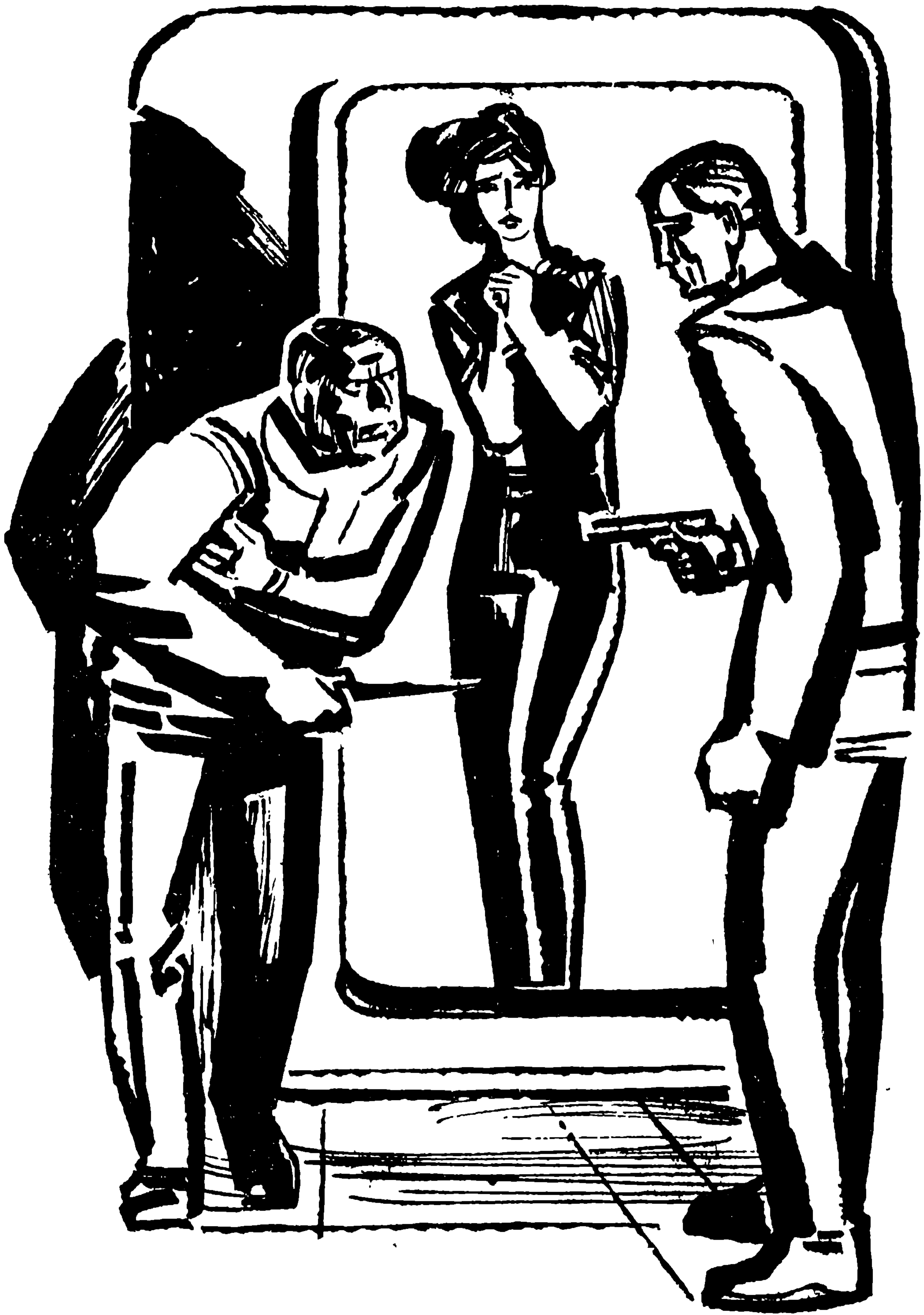
— Психопатка! — Лоретти повернулся и направился к себе в комнату.

— А вы, Милн, потрудитесь... — Я обернулся к нему и увидел, что он, закрыв глаза, сползает на пол. Рубашка на нем была пропитана кровью.

Мы с Долорес перенесли его в комнату.

Рана оказалась пустяковой. Пуля скользнула по ребру, но, пройди она немного правее, экспедиция лишилась бы еще одного специалиста.

Милн быстро очнулся и снова начал скулить. Долорес хотела сделать ему обезболивающий укол, но он, увидя шприц, пришел в совершенное иступление. Пришлось дать ему виски.

Мы подождали, пока он уснул рядом с наполовину опорожненной бутылкой, и вышли в коридор.

— Ну, Долорес, вам по-прежнему нечего мне сказать?

Она закрыла лицо руками.

— Не спрашивайте меня ни о чем, мистер Клинч, право, я ничего не знаю!

— Все равно вам придется дать откровенные показания, не здесь, так на Земле.

— Сжальтесь!

Первый раз в жизни женщина стояла передо мной на коленях. И какая женщина! До чего же она была хороша в позе кающейся грешницы!

— О, пожалуйста, умоляю вас, отправьте меня на Землю. Я готова на что угодно, только не переносить этот ужас!

Что я мог ей ответить? Отправить ее вместо себя? Я не имел на это права. У меня на руках было нераскрытое убийство, и виновна она или нет, но до окончания следствия нельзя было дать ей возможность скрыться от правосудия. Ищи ее потом по всему свету.

Я поднял ее и отвел в комнату.

— Успокойтесь, Долорес. Обещаю вам, что, как только я вернусь на Землю, за вами отправят специальный корабль. А сейчас ложитесь спать. За Милном я присмотрю сам. Если понадобится, разбужу вас.

Мне не пришлось ее будить. Я лег в кровать и будто провалился в преисподнюю. Терзали кошмары, чудились чьи-то крики, и я долго не мог проснуться от настойчивого стука в дверь.

— Мистер Клинч, мистер Клинч! Откройте, случилось несчастье! — это был голос Долорес.

Я выбежал в пижаме и босиком.

— Что произошло!

— Милн мертв, он отравился.

В комнате Милна пахло горьким миндалем. Я поглядел на кирпичный цвет лица покойника и спросил:

— Цианистый калий?

— Да.

На столе мы нашли мензурку со следами яда и записку. Характерным пьяным почерком было нацарапано:

«Я вынужден так поступить, потому что лучше лишиться себя жизни, чем...»

На этом записка обрывалась.

10 апреля

Милна кремировали. Я должен привезти его прах на Землю.

Временами мне кажется, что схожу с ума. Все версии разваливаются одна за другой. Мне никак не удастся связать факты воедино. Такого позорного провала еще не было в моей практике.

С нетерпением жду дня отлета. Скоро кончится период муссонов. Старт назначен на 20 апреля — время относительного затишья. Изучаю инструкцию. Почтовая ракета полностью автоматизирована, нужно только нажать кнопку, но есть множество правил поведения в случае неполадок, их требуется знать на зубок.

Из Лоретти и Долорес больше ничего не вытянешь. Зря я ввязался в это дело. Теперь пусть им занимаются следователи на Земле, с меня хватит!

21 апреля

Через несколько часов я должен стартовать на постоянную орбиту. Зашел попрощаться с Долорес. Бедняжка! У нее такой вид, что сердце переворачивается. Мне страшно оставлять ее здесь, но что я могу поделать?

Следующий визит к Лоретти. После того как я ему заявил,

что без разрешения Роу ни одной бактерии отсюда вывезено не будет, отношения между нами более чем натянутые.

Все же встретил он меня на этот раз без обычных колкостей. Видимо, рад-радешенек, что будет избавлен от дальнейших допросов. Даже извлек из своих запасов бутылку старого бренди.

— За благополучное путешествие! Или вы при исполнении служебных обязанностей не можете пить с подследственным?

— Вы ошибаетесь, Лоретти. Я не служу в полиции и могу пить с кем вздумается. Наливайте!

Несколько минут мы просидели молча над своими стаканами.

— Так что, мистер Клинч, удалось вам найти убийцу?

Я ответил не сразу. Мое внимание было поглощено жидкостью в стакане. У меня даже дух заняло от внезапно пришедшей идеи. Поразительно, как все вдруг стало на свои места. Наконец я поднял голову и сказал:

— Нашел, сеньор Лоретти.

— Вот как?! Кто же?

— Пока это профессиональная тайна. Скажите, где Майзель хранил взрывчатку?

— Взрывчатку? — он удивленно пожал плечами. — Кажется, во второй кладовой. А зачем вам?

— Хочу устроить салют по поводу успешного окончания расследования!

Я посмотрел на часы. Времени оставалось совсем мало. Нужно было еще раз тщательно исследовать оболочку пули, а затем... В душе у меня все пело. Я бы даже перекувырнулся через голову, если б не боялся уронить престиж фирмы «Джек Клинч, частный детектив».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Они снова, как год назад, собрались в кабинете Роу. Хозяин — за столом, Жюли — на диване, Шнайдер — в кресле, Клинч — на стуле.

Роу потер переносицу, оглядел всех присутствующих и обратился к Клинчу:

— Так вот, мистер Клинч, я ознакомился с вашим рапортом и дневниками. Должен сказать, что я поражен.

— Благодарю вас! — Клинч вежливо поклонился.

— Боюсь, что вы меня не вполне поняли, — продолжал бесстрастным тоном Роу. — Благодарить не за что. Я не только поражен, но и возмущен. Мне кажется, что полученные вами от нас инструкции были достаточно точными. Вам поручалось выяснить причину, вызвавшую взрыв, найти убийцу и определить возможность эксплуатации месторождения иридия. Так?

— Совершенно верно! — согласился Клинч.

— Теперь посмотрим, что вы сделали. Разберем по пунктам. Причину взрыва вы так и не установили, убийцу не нашли, а взамен этого предлагаете нам... э... сюжет для научно-фантастического романа, да к тому же извлеченный из... стакана с бренди. Вы согласны со мной?

— Абсолютно не согласен! — Усы у Клинча торчали, как две пики, лицо покрылось красными пятнами, чувствовалось, что он готов ринуться в бой.

Роу жестом предложил ему замолчать.

— К этому вопросу мы еще вернемся. Разберем до конца, как вы выполнили задание. В то время, когда здесь наши специалисты разработали способ откачки воды из шахты, вы безо всякого разрешения на то взрываете скалу и заваливаете всю площадку, да еще так, что выведена из строя большая часть оборудования. Как же я должен расценивать эти действия?

— Мне кажется, что я все достаточно ясно изложил в своем рапорте.

Роу развел руками.

— Может быть, вы, герр Шнайдер, что-нибудь поняли?

Шнайдер заерзал в кресле. Ему очень не хотелось сознаться, что он вообще плохо представляет, о чем идет речь.

— Честно говоря, у меня еще много недоуменных вопросов. Может быть, Джек, вы растолкуете нам все на словах, а то из вашего рапорта не все понятно.

— Хорошо! — Клинч закурил и положил ногу на ногу. — Начну с психологического климата на базе. Ведь именно для этого я предоставил в ваше распоряжение свои дневники. Скажите, Вилли, вас не удивляет поведение всех без исключения членов экспедиции?

— Ведут они себя, конечно, странно.

— А какой элемент вы особо выделили бы в их поведении?

— Гм... Пожалуй, страх.

— Правильно! Именно страх. Они боятся меня, это еще как-то можно объяснить. Ведь идет расследование убийства. По милости Дрейка я вынужден вести его открыто, и каждый из них считает себя подозреваемым.

— Но убийца должен был бояться больше других, а тут...

— Они боятся все. Очень рад, что вы это почувствовали. Кроме того, они боятся друг друга, а это может быть только в случае?..

— Если они убили сообщника

— Верно! Или если каждый подозревает в убийстве других и имеет для этих подозрений веские основания. И то и другое предположения исключаются, если Майзель действительно застрелился.

— Но ведь Майзель был убит! Есть оболочка пули.

— К пуле мы вернемся потом. Пока же примем в основу рассуждений самоубийство. Тогда нужно искать другую причину, вызывающую страх. Эту причину, как справедливо подметил мистер Роу, я и нашел в стакане с бренди.

— Тут уж я вас не понимаю.

— Стоячие волны в жидкости. Они навели меня на след. Ведь все время на Мези страх испытывал и я тоже. Мне постоянно чудились какие-то шаги и шепот в коридоре, преследовало чувство нависшей опасности. Временами я себя чувствовал на грани умопомешательства.

— И очевидно, в этом состоянии вы и решили прибегнуть к спасительной гипотезе об инфразвуке? — иронически заметил Роу.

— Да, именно так. Ведь расположенный в ущелье ствол затопленной шахты представлял собой исполинскую органныю трубу, настроенную на низкую частоту, недоступную человеческому слуху. В литературе описано много случаев, когда люди, подвергавшиеся воздействию мощного инфразвука, испытывали необъяснимый страх и даже доходили до полного психического расстройства.

— Довольно смелое заключение, мистер Клинч. А что, если вы ошиблись?

— Я проверил свои предположения. Помните необычный для обитателей базы коллективный завтрак, во время которого они все вели себя совершенно нормально?

— Ну, допустим, и что из этого следует?

— В тот день было полное безветрие. Стоило потом ветру задуть снова, как все вернулось на круги своя.

— Мне рассуждения мистера Клинча кажутся очень логичными, — подала голос Жюли.

Роу осуждающе взглянул на нее и нахмурился.

— Мы опять уходим в область фантастики. Не соблаговолите ли вы, мистер Клинч, все же ответить на основные вопросы: причина первого взрыва, обстоятельства смерти Майзеля и окончательный вывод шахты из строя, за который вы несете персональную ответственность. По каждому вопросу жду краткого и вразумительного ответа, по возможности без психологических экскурсов. Меня интересуют только факты.

— Постараюсь придерживаться фактов, хотя без психологических экскурсов моя работа была бы бессмысленной. Итак, взрыв в шахте произошел от скопления газов.

— Какие основания у вас так считать?

— У меня нет оснований считать иначе. Самоубийство Майзеля не подлежит сомнению. Из всех членов экспедиции у него была самая неустойчивая психика. Добавьте к этому потрясение, вызванное взрывом. Следующей жертвой стал Милн. Постоянное пьянство усилило эффект действия инфразвука.

— Пойдите, пойдите! — взмолился Шнайдер. — Вы говорите о самоубийстве Майзеля как о чем-то вполне установленном, ну а оболочка пули?

— Оболочка пули ни о чем не свидетельствует. Вы помните, как она была деформирована?

— Помню, но ведь она находилась в кремационной печи.

— Значит, не помните. Конец оболочки был разорван. Видимо, в ней раньше была трещина. В таких случаях после выстрела свинец силой инерции вылетает вперед, а оболочка застревает в теле. Не зря Долорес говорила, что череп Майзеля был сильно изуродован. Типичный эффект распиленной оболочки. Некогда англичане применяли такие пули в войне с бурами.

— А ну покажите! — протянул руку Шнайдер.

Клинч достал из кармана замшевый кошелек.

— Куда же она могла задеваться? — пробормотал он, запустив туда пальцы. — Вот дьявол! Боюсь, Вилли, что я второпях забыл ее на Мези.

— Очень жаль! — сухо сказал Шнайдер. — Это очень важ-

ное вещественное доказательство. Впрочем, если вы утверждаете...

— Можете мне верить, Вилли.

— С пулей вы разберетесь, герр Шнайдер, сами, — сказал Роу. — А я все-таки попрошу мистера Клинча ответить на третий вопрос: на основании каких полномочий была подорвана скала и окончательно выведена из строя шахта?

— Таких полномочий мне действительно не давали. Но если бы я этого не сделал, сейчас на Мези могло бы быть еще два трупа. Более того, я не уверен, что и следующую экспедицию не постигла бы та же участь. Такой источник инфразвука, да еще направленного действия, вещь поистине страшная!

Роу поднялся с кресла, давая понять, что совещание окончено.

— Хорошо, мистер Клинч. Я вынужден доложить обо всем совету директоров. Надеюсь, вы понимаете, что пока вопрос о выплате вам гонорара решен быть не может. А вы, мадемуазель Лоран, задержитесь здесь. Я хочу выслушать ваши соображения об эвакуации оставшихся в живых членов экспедиции.

Клинч со Шнайдером вышли в приемную.

— Старик очень расстроен, — сказал Шнайдер. — Мне кажется, вы неплохо поработали там, но все же хочу задать вам еще несколько вопросов.

— Думаю, это лучше сделать за кружкой пива, — усмехнулся Клинч. — У меня от этой милой беседы все внутри пересохло!

2

Вечером того же дня Клинч мерил шагами свой роскошный номер в отеле «Галактика». Мягкий свет торшера, батарея бутылок для коктейлей, приглушенная музыка, льющаяся из магнитофона, — все это свидетельствовало о том, что Клинч кого-то поджидает.

Он несколько раз нетерпеливо поглядывал на часы.

Наконец ровно в восемь скрипнула дверь, и в комнату проскользнула Жюли. Клинч выключил магнитофон и с протянутыми руками пошел ей навстречу.

— Здравствуй, дорогая! — Он ее увлек на диван, но она ловко выскользнула из его объятий.

— погоди, Джек! Сначала дело, все остальное потом. — Жюли вынула из сумки большой пакет. — Вот деньги. Как видишь, «Горгона» платит за подобные услуги наличными. Можешь не беспокоиться, ни в одной бухгалтерской книге этот платеж не записан. Должна сказать, что впервые вижу, чтобы такую огромную сумму отвалили за самую бессовестную брехню.

— Брехня всегда бессовестна, — спокойно сказал Клинч, пересчитывая пачки банкнотов. — Мне было поручено окончательно вывести из строя шахту, я это сделал, а все остальное литература, фантастический сюжет, как говорит Роу.

Жюли презрительно усмехнулась.

— Однако на совещании ты имел очень жалкий вид.казалось, еще немного — и ты расколешься.

— Еще бы! Эта оболочка пули меня чуть не доконала. «Хорн» имеет укороченный патрон, а ты подложила в урну оболочку от пули «кольта». Представляешь, что было бы, пади она в криминалистическую лабораторию. Пришлось срочно потерять главное вещественное доказательство. Все-таки тебе бы следовало лучше разбираться в марках пистолетов.

Жюли села к нему на колени и обняла за шею.

— Не будь таким придирой, Джек. У меня было очень мало времени. Подумай о другом: ведь если б я не придумала этот трюк с оболочкой, мы с тобой так бы и не познакомились.

— Вернее, ты бы меня не завербовала.

— Фу! Как грубо ты говоришь о таких вещах!

— Ладно, — сказал Клинч, — победителей не судят.

— Конечно! — Жюли положила голову к нему на грудь. — Теперь у нас есть деньги. Будь уверен, я найду способ заставить этого старого осла Роу выплатить тебе все до последнего цента. С тем, что ты получил от «Горгоны», хватит на всю жизнь. Мы можем купить виллу во Флориде.

— Я предпочитаю Ниццу.

— Неужели ты не можешь мне уступить даже в такой мелочи?

— Хорошо, пусть будет Флорида.

— Умница! Можешь меня поцеловать.

— погоди, я запру дверь.

Клинч направился к двери, но в этот момент она распахнулась. На пороге стояли Шнайдер и Роу. Позади их маячили двое полицейских в форме.

Жюли попыталась проскользнуть в спальню, но Клинч преградил ей дорогу.

— Входите, джентльмены, — сказал он. — Разрешите представить вам начальницу секретной службы «Горгоны» Минну Хорст, известную здесь под псевдонимом Жюли Лоран. Наш разговор с ней записан на магнитофоне, а вот деньги, уплаченные через нее концерном за диверсионный акт на Мези. Думаю, что этого достаточно, чтобы взять под стражу Хорст-Лоран и возбудить судебное дело против «Горгоны».

Жюли выхватила из сумочки пистолет.

Первый выстрел вдребезги разнес лампу торшера. В наступившей тьме вторая пуля просвистела рядом с головой Клинча. Он бросился на звук выстрела. Послышалась борьба, еще один выстрел и падение тела. Вспыхнули фонарики в руках полицейских. Жюли лежала на полу.

Клинч включил люстру под потолком и подошел к Жюли. Она была мертва. Ее глаза, казалось, с немым укором глядели на Клинча.

Он вытер рукой пот со лба и обратился к Шнайдеру:

— Мне очень неприятно. Так получилось. Я хотел отобрать у нее пистолет, а она... Надеюсь, вы понимаете, что это чистая случайность?

— Конечно! Мы даже не будем проводить судебно-медицинской экспертизы. Ограничимся показаниями свидетелей.

— А все-таки жаль! — задумчиво произнес Клинч. — Какая красивая женщина и вдобавок какая актриса!

Шнайдер сокрушенно покачал головой.

— Скажите, Джек, когда у вас впервые возникло подозрение, что Жюли Лоран не та, за которую себя выдает?

— Когда мы ужинали в ресторане. Ни одна француженка не станет запивать устрицы красным вином.

3

Труп увезли в морг, магнитофонную пленку дважды прослушали, а Роу все еще не мог прийти в себя.

— Боже! — сказал он. — Я совершенно запутался в этом

бесконечном потоке лжи! Может быть, вы все-таки объяснитесь, Клинч?

— Что ж, — Клинч поглядел на тающие кубики льда в стакане со «скотчем», — попытаюсь. Мне самому надоело разыгрывать фарс, но иначе мы бы не разоблачили преступницу. Итак, Жюли Лоран была секретным агентом «Горгоны». Правда, то, что ее настоящее имя Минна Хорст, я узнал только сегодня от Шнайдера. Он проделал большую работу, пока я был на Мези.

— Да, — самодовольно сказал Шнайдер. — Пришлось переворшить все досье лиц, связанных когда-либо с промышленным шпионажем.

— Минна Хорст, — продолжал Клинч, — направила Эдуарда Майзеля на Мези с диверсионным заданием. Он взорвал шахту. Это не подлежит сомнению, я нашел на рабочей площадке обрывок упаковки от детонаторов. Однако Майзель полностью не оправдал надежд своих хозяев. Постоянное воздействие инфразвука и страх разоблачения довели его до нервной горячки. Судя по всему, в бреду он болтал много лишнего, и Долорес начала кое о чем догадываться. Возможно, что после его выздоровления она ему прямо об этом сказала. Тут уж Майзелю не оставалось ничего другого, как пустить себе пулю в лоб.

— Значит, Долорес знала и ничего вам не рассказала? — спросил Роу.

— Да, видимо, это так. При всем том ее нельзя в этом особо винить. Во-первых, она считала себя связанной врачебной тайной, во-вторых, Майзель уже мертв, а в-третьих, не забывайте, что он был в нее без памяти влюблен. Нет такой женщины, которая была бы к этому совсем равнодушна.

— Гм... И что же дальше?

— Дальше то, что положение на Мези остается неясным. Неизвестно, можно ли откачать воду из шахты. Не будет ли предпринята новая попытка наладить там добычу. Поэтому Минна Хорст решает забросить туда нового диверсанта. Придумывается трюк с оболочкой пули, и меня вызывают сюда из Лондона.

— Вы с ней раньше были знакомы?

— Нет.

— Почему же она так настаивала именно на вашей кандидатуре. На что она могла рассчитывать?

Клинч слегка покраснел.

— На неотразимость своих чар. Она знала, что мы, ирландцы, очень чувствительны к женской красоте.

— И кажется, не ошиблась в этом! — засмеялся Шнайдер. — Впрочем, извините, Джек! Продолжайте, пожалуйста!

— Что ж тут продолжать? Пожалуй, это все.

— Как все?! — удивился Роу. — А взрыв, который вы там устроили? Вы что, действительно только хотели заткнуть эту органную трубу?

— Конечно! Но были еще и другие соображения. Вы помните про обломок скалы, который меня чуть не превратил в отбивную котлету?

— Помню.

— Так вот, когда я исследовал поверхность разлома, то обнаружил металлический иридий. Бактерии работали и в скалах. Своим взрывом я вскрыл богатейшее месторождение, которое можно разрабатывать открытым способом. Собственно говоря, это было ясно уже из данных геофизической разведки, и, если бы Майзель честно относился к своим обязанностям, он бы наверняка обратил на это внимание. Так что, мистер Роу, отправляйте туда новую экспедицию и начинайте работу. Что же касается старых механизмов, пострадавших при обвале, то они там теперь не нужны.

Роу встал и прошелся по комнате.

— Да, мистер Клинч, думаю, что вы заслужили свой гонорар.

— С двадцатипроцентной надбавкой, — невозмутимо ответил Клинч.

— Это еще почему?

— Пятнадцать процентов за открытие месторождения, а пять, — Клинч ехидно улыбнулся, — пять процентов за фантастический сюжет, как вы изволили выразиться. Ведь вам, наверное, не хотелось бы, чтобы я этот сюжет продал какому-нибудь писаке?

— Конечно, нет! — с неожиданной серьезностью ответил Роу. — Тем более что всю эту историю, видно, придется сдать в архив. Сейчас ведутся переговоры между правительствами латиноамериканских стран о национализации рудников «Горгоны». Предполагается организовать межгосударственный концерн под эгидой ЮНЕСКО. Все производство будет реконструировано на научной основе, и вот тут нам пригодятся бактерии Лоретти. Однако, мистер Клинч, эти сведения совершенно конфиденциальны, и я надеюсь на вашу скромность.

Джек Клинч встал, горделиво расправил усы и снисходительно взглянул на Роу с высоты своего роста.

— Я уже вам говорил, что гарантия тайны — одно из непременных условий работы частного детектива. Кроме того, черт побери, есть еще и честное слово ирландца, которое тоже чего-нибудь стоит!

